

АНТОН ЗЕОНТЪЕВ

ЛИГА ОХОТНИКОВ
ЗА ВАМПИРАМИ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Лига охотников за вампирами

«ЭКСМО»

2010

Леонтьев А. В.

Лига охотников за вампирами / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-42007-0

Переводчица Лера Грушина пожалела, что приняла приглашение подружки Кати провести Хэллоуин в загородном особняке ее знакомого. Вечеринка в костюмах оборотней, вампиров, ведьм и прочей нечисти оказалась очень скучной, и Лера уговорила Катю уехать пораньше. Но по дороге через лес на них напали... вампиры! Причем не ряженные, а самые настоящие – оказывается, это не легенда и не выдумка писателей, они существуют на самом деле! Лере чудом удалось спастись... Вернувшись домой, она получила неожиданное предложение высокооплачиваемой работы за границей и с радостью начала готовиться к срочному отъезду. В последний момент она заподозрила неладное и решила спрятаться на даче давно влюбленного в нее друга Пашки. Коварные кровопийцы оказались хитрее – они все-таки выследили и похитили Леру! Если бы девушка знала, почему вампиры так настойчиво охотятся именно за ней!

ISBN 978-5-699-42007-0

© Леонтьев А. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Лера Грушина	5
Федор Крылов	20
Лера Грушина	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Антон Леонтьев

Лига охотников за вампирами

*Vampires are alive
The legends have to survive
We'll never come undone
And we will be forever young
Вампиры среди нас живут!
Легенды старые не лгут.
Мы никогда не умрем,
Ибо вечно молодыми мы живем!*
DJ Bobo Vampires are alive

«...потому что душа тела в крови...»
Левит. 17, 11

Лера Грушина

– Вампиров не существует! – заявила с дрожью в голосе Катька и попятилась. Ее собеседник, молодой человек необычной наружности – иссиня-черные волосы, могильно-бледное лицо, пунцово-красные губы, – вкрадчиво заметил:

– Милая барышня, вы так уверены?

Стоявшая рядом Лера дернула подругу за локоток и подтолкнула ее к выходу. Черт их дернул отправиться на эту вечеринку!

– Уверена! – ответила Катька, выпячивая вперед подбородок. Наверняка хотела показать странному типу, что может постоять за себя.

Молодой человек облизнул губы, и Лера в ужасе заметила, что язык у него раздвоенный. Прямо как у рептилии. А вместо зубов настоящие клыки – длинные, ослепительно-белые и наверняка чрезвычайно острые. Как у волка. Или как у вампира.

– Милая барышня... – приблизился вплотную к Катьке тип, которого, кажется, звали Андрей. А может быть, Антон. Или Андрон.

Субъект дотронулся до запястья Кати, и девушка вздрогнула – пальцы этого самого то ли Андрея, то ли Андрона были ледяные. И что ужаснее всего, увенчаны длиннющими ногтями, больше походившими на звериные когти.

– Разрешите мне убедить вас в обратном, – промурлыкал навязчивый кавалер. – Приглашаю вас на настоящую вечеринку. На вечеринку, где прольется кровь и вы сможете убедиться, что вампиры существуют. Ведь сегодняшней ночью открываются врата между двумя мирами – миром людей и миром теней...

Молодой человек неожиданно клацнул клыками прямо перед носом Кати, и та взвизгнула. Не удержалась от судорожного вдоха и Лера.

– Сэр Эндрю, заканчивай ты это дело! Оставь в покое прелестных барышень! – раздался рядом приятный мужской голос.

Приставучий тип моментально исчез – видимо, как и полагается настоящему вампиру. Лера, кстати, отметила, что и облачен он был весьма нестандартно: в некое подобие старинного камзола, поверх которого наброшен черный кожаный плащ с воротником-стойкой. На ногах у посланца тьмы были мушкетерские сапоги с настоящими шпорами.

Хозяин загородного коттеджа, в котором сейчас дым стоял коромыслом – гремела музыка, слышались хохот и визг, – был одет не менее изысканно: белая с кровавым подбоем

тога, заколотая на плече затейливой камеей, а на белокурых волосах – стилизованный лавровый венец. Причем, судя по всему, из настоящего золота!

– Катя, Лера, приношу извинения за пару неприятных минут в обществе сэра Эндрю. – Хозяин вечеринки, изображавший то ли Цезаря, то ли Нерона, протянул девушкам по бокалу с коктейлем. Его звали Егор.

– А этот сэр Эндрю... неужели он в самом деле... вампир? – поинтересовалась Катя, словно в шутку, однако Лера, хорошо знавшая подругу, поняла, что та все еще не успокоилась.

Собеседник, сын высокопоставленного работника МИДа, улыбнулся:

– В такой же степени, как ты – ведьма. Или как вот он – Франкенштейн, а его подруга – наяда. – Егор указал на проشمыгнувшую мимо них парочку: монстра с характерной прической и квадратным лицом, обнимавшего девицу в блестящей чешуе и с рыбьим хвостом, который она, подобно мантии, перекинула через руку.

– Егорчик, тут оборотень решил выяснять отношения с Кощеем Бессмертным! Требуется твой дипломатический дар! – провозгласила дама, похожая на Снежную королеву, которую тотчас заграбастал, судя по длиннющей черной бороде и хлысту, Карабас-Барабас.

Егор, подмигнув девушкам, произнес со вздохом:

– Ну вот видите, нечисть снова разбушевалась... Еще бы, ведь сегодня единственная ночь в году, когда посланцы преисподней могут свободно передвигаться в нашем измерении! Отдыхайте, расслабляйтесь, в общем, чувствуйте себя как дома!

Римский император отошел, и Катя одним махом опрокинула в себя почти весь бокал с коктейлем. Лера подумала, что ни за что не может почувствовать себя как дома в этом заполненном нежитью коттедже.

Нежить была, разумеется, ненастоящая, бутафорская, костюмированная: календарь показывал дату 31 октября, и Егор, один из самых крутых тусовщиков Питера, отмечал в своей загородной берлоге Хэллоуин.

Когда-то у Кати был роман с Егором, а молодой человек хоть и отличался ветреным нравом, не забывал своих пассий, хотя бы и бывших. Попасть на вечеринку к Егору было весьма сложно, но всех своих экс-подруг, с которыми он оставался в отличных отношениях, молодой человек всегда приглашал на «семейные сабантуи».

Нынешний «семейный сабантуй» предполагал присутствие на даче примерно сотни молодых (и не очень) людей обоего полу, которые могли упиваться до упаду и развлекаться до судорог в мышцах, и все это от заката до рассвета. Помимо личного приглашения со стороны Егора, непременным условием, дабы попасть в число избранных и оказаться на вечеринке, приуроченной к Хэллоуину, был костюм. Причем не абы какой, а соответствующей тематике: что-то потустороннее, жуткое или, на худой конец, сказочное.

Катя Бойко, всего неделю назад окончательно расставшаяся со своим очередным другом (конечно же, он был не чета красавцу Егору!), получив приглашение на вечеринку, решила позвать свою лучшую подругу Леру Грушину. Девушки различались и по темпераменту (Катя – холеричная особа, Лера – задумчивая и робкая), и по внешности (Катя – невысокая брюнетка, Лера – изящно сложенная медноволосая красавица), и даже с точки зрения астрологии (Катя по знаку Зодиака – Стрелец, Лера – Дева). Однако это не мешало им быть закадычными подругами, не иметь друг от друга секретов и быть с детского сада, что называется, не разлей вода.

Узнав, что подруга собирается поступать на филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Катя увязалась за Лерой. Только Лера была «немкой», а Катя «англичанкой».

Коттедж и примыкающий к нему сад были полны гостей. В основном уже не особенно трезвых. Лера крайне редко бывала на подобных вечеринках, потому что предпочитала проводить время дома, уютно свернувшись калачиком на тахте, с книжкой в руках, а вот Катя едва ли не каждый вечер отправлялась «прожигать жизнь», мечтая, что вот-вот найдет своего

принца. Принцев у Кати было уже много, только в рекордно короткие сроки все они почему-то превращались в лягушат. Лера знала, что подруга все еще вздыхает по Егору, однако в этом плане ей «ничего не светит», как уныло пояснила сама Катя: новая приятельница молодого человека была моделью, причем весьма известной.

Послышались хлопки и взрывы – кто-то начал зажигать в саду петарды.

Лера, облаченная в костюм Золушки, украдкой вытащила из сумочки мобильный телефон и посмотрела на дисплей – начало первого ночи... На дачу к Егору девушки добрались на электричке (где на них пялились пассажиры: еще бы, ведь не каждый день встретишь в вагоне Золушку или ведьмочку). Последний поезд ушел. Значит, придется оставаться на вечеринке до утра.

Лера чувствовала себя не в своей тарелке. А вот Катя, оправившись от шока, вызванного разговором с «вампиром», уже вовсю флиртовала с великовозрастным Гарри Поттером, делавшим пошлые намеки относительно незаурядной величины своей волшебной палочки.

Чувствуя нарастающую головную боль, Лера вышла на свежий воздух. Бархатное черное небо было расчерчено разноцветными всполохами. Девушка ощутила легкое головокружение. Внезапно около нее возникли два черта, словно выпрыгнувшие из табакерки. У одного были красные рожки и нелепая борода, у другого – посыпанный золотой пудрой хвост и копытца. Утробно хохоча, они потянули Леру обратно в дом. Девушка пыталась оказать сопротивление, однако ее тело было словно парализовано. Ее толкнули в комнату, большую часть которой занимала огромная кровать. Лера оказалась на покрывале, один из чертей откровенно пытался стянуть с нее блузку.

В этот момент дверь спальни распахнулась, на пороге возникла ведьмочка Катя в объятиях Гарри Поттера. Лера из последних сил оттолкнула от себя настырного беса и... потеряла сознание.

Придя в себя, девушка обнаружила, что все еще находится в спальне, на кровати. Однако вместо несостоявшихся соблазнительей рядом с ней сидела Катя. Лера сбросила со лба мокрое полотенце и попыталась встать.

– Я не хочу здесь больше оставаться! – заявила она. – В коктейль было что-то подмешано! И угостил меня им, Катя, твой экс-приятель Егор!

– Лерочка, этого не может быть! – возразила Катя. – Ты же плохо переносишь водку, а в коктейле она – одно из составляющих!

– Нет, что-то другое, какая-то психотропная гадость... – начала Лера, но Катя только рассмеялась:

– Егорка ничем таким не балуется, мне ли не знать! Он очень внимательно относится к своему здоровью. Да и зачем ему подмешивать какую-то мерзость в коктейли гостям?

– Я не хочу здесь оставаться! – упрямо повторила Лера.

– Последняя электричка уже давно ушла, – откликнулась Катя, – а гости пока разъезжаться не собираются. Ну хорошо, хорошо, я узнаю!

Лера знала, что Кате наверняка хотелось пробыть на вечеринке до утра, однако она также знала, что Катя никогда не бросит подругу в беде.

Оказавшись в спальне одна, Лера вдруг почувствовала себя неудобно. В углу горел торшер, и девушке казалось, что по комнате мечутся тени. Она не могла отделаться от ощущения, что в помещении есть кто-то еще.

Внезапно раздался легкий стук, и большое окно распахнулось. Потянуло холодом, белые занавески надулись парусами. Лера подошла окну и закрыла его. Наваждение исчезло. Конечно же, в комнате никого не было. Девушка задернула занавески. И вдруг в стекло что-то ударило! Лера снова отбросила занавеску и увидела нечто серое, метнувшееся от окна. Все же дом находится в лесу, а там водятся совы или даже летучие мыши...

– Я договорилась! – заявила, влетая в комнату, Катя. – Один из знакомых Егорки отвезет нас обратно в Питер. Ну, ты еще не передумала, Золушка?

Лера с облегчением попрощалась с хозяином и покинула вечеринку. Она видела, что Катя с большим сожалением уходит в столь неурочное время, однако не оставаться же в доме, где к тебе приставали наглые гости!

* * *

Отвезти девушек в город любезно вызвался Фредди Крюгер. Но когда водитель снял резиновую маску, Лера увидела перед собой симпатичного молодого человека. В «БМВ» Виктора она быстро задремала, но вдруг пришла в себя от того, что ее тормозила Катя – подруга была очень бледна.

Лера попросила Виктора остановиться (они все еще находились на лесной дороге, значит, ее сон длился всего пару минут). Катя с перекошенным лицом исчезла в кустах. И пусть потом Катя не говорит, что Лера плохо переносит водку! Подруга, похоже, смешала все напитки, какие только можно, и вот, оказавшись в салоне автомобиля, поняла: делать этого не следовало.

Лера снова закрыла глаза, но кто-то опять потряс ее за плечо. Страхивая с себя дрему, девушка увидела встревоженное лицо Виктора.

– Твоя подруга... Она исчезла! Может, ей помощь требуется? – поинтересовался он.

Лера покинула теплый салон и шагнула в темноту.

– Катя, все в порядке? – спросила она, направляясь к кустам, в которых, по ее расчетам, скрылась подруга.

Ответа не последовало.

Лера обошла кусты и вышла снова на дорогу. Ну и дела!

– Уууу! – вдруг раздалось у нее под ухом.

Лера от неожиданности подскочила, сердце билось как бешеное. В свете фар она лицезрела подругу – живую и невредимую, с торжествующей улыбкой до ушей.

– Что, жутко стало? – спросила Катя. – Ловко я тебя напугала?

– Дурочка, так ведь и инфаркт можно заработать! – ответила Лера, переводя дух. – Ну что, мы можем уже ехать?

– Можем! – кивнула Катя, и девушки вернулись к автомобилю.

Однако их ожидал неприятный сюрприз – в салоне играла музыка, фары были включены, передняя и задняя дверцы приоткрыты. Однако водителя Виктора нигде не было видно.

– Видимо, тоже зов природы... – сказала со вздохом Катя. И воскликнула громко: – Эй, Фредди, куда ты делся? Заставлять дам ждать неприлично!

Внимание Леры привлекли странные темные монеты на светлом кожаном сиденье водителя. Девушка открыла дверцу шире и склонилась над сиденьем. Это были не монеты, а капли крови! Причем, судя по тому, что кровь не успела еще свернуться, свежие!

– Ну, Фредди, это становится скучно! – оповестила кусты Катя. – Поиграли и хватит!

Лера схватила подругу за руку и зашептала ей на ухо:

– Молчи!

– Чего ради? – возмутилась Катя. – Не буду я молчать! Эй, Фредди, выходи! Выходи, подлый трус!

Из-за кустов в самом деле кто-то показался. Лера облегченно перевела дух. Наверное, у Виктора просто пошла носом кровь или он случайно обо что-то ударился...

Но тот, кто появился из-за кустов, был вовсе не Виктор. Лера увидела фигуру в некоем подобии монашеской рясы с черным клобуком. Некто размашистым шагом направлялся прямо к ним.

– Классный прикид! – похвалила Катя. – Ты тоже с вечеринки Егорки? Только что-то не припомню я тебя...

И тут Лера с ужасом узрела, как этот тип на ходу вынул из кармана своего зловещего одеяния нечто полукруглое, блестящее в свете фар. Стальной серп! Вернее, какое-то странное оружие, напоминавшее серп...

Девушка оттолкнула Катю, потому что секундой позже тип в рясе взмахнул серпом. И он наверняка рассек бы несчастной горло, если бы не спасительное движение Леры. Субъект повернул голову в сторону Леры, и девушке показалось, что под клобуком ничего нет – ни лица, ни головы!

Она вскрикнула и, таща за собой Катю, рванулась в обратную сторону. Но – о ужас! – с другой стороны на них наступал еще один тип. В точно такой же рясе и с точно таким же странным серпом в руке.

– Психопаты! Маньяки! Извращенцы! – завопила Катя, бросаясь к кустам.

Лера поспешила за ней. Одна-единственная мысль билась у нее в голове: как можно быстрее оказаться снова на даче Егора! Внезапно девушка споткнулась и упала на землю. Катя помогла ей подняться, и только тогда подруги увидели, что привело к падению Леры: тело Виктора, лежавшее на жухлой траве.

Лера тронула его плечо и ощутила что-то мокрое и скользкое. Поднесла пальцы к лицу и похолодела – они были в крови. Катя заорала благим матом:

– Люди добренькие, помогите! Они убить нас хотят!

В том, что монахи в черных рясах и с серпами в руках не желают им добра, не сомневалась и Лера. Однако она не считала нужным кричать во все горло, тем самым выдавая место своего нахождения.

Лера притянула Катю к земле и зашептала на ухо:

– Катечка, миленькая, не кричи! Молчи! Только так у нас есть шанс остаться в живых!

Девушки осторожно двинулись прочь. Катя заметила еще одного типа в рясе, возникшего около «БМВ». Внезапно фары погасли, и все вокруг погрузилось в темноту.

– Они не могли далеко уйти! – донеслось до девушек, и Катя до боли сжала ладонь Леры. – Нельзя позволить им скрыться. Брат, позаботься о теле водителя и об автомобиле. Их не должны обнаружить...

Катя прошелестела Лере в ухо:

– Моя сумочка с мобильником осталась в машине... Черт, черт, черт...

Девушки не знали, куда идти. Вокруг них был лес. Наверняка не очень далеко отсюда расположены дачи, но большинство из них в это время года стоят пустые. За деревьями слышались взрывы петард и радостные крики. Над лесом взмыл каскад разноцветных огней.

– Нам туда! – уверенно заявила Лера. Она была готова вернуться на дачу Егора и оказаться в компании нетрезвых приставучих типов, лишь бы как можно дальше от ужасных убийц в рясах.

Девушки двинулись в направлении огней и скоро наткнулись на высоченный забор. Они находились перед чьим-то загородным домом. Где-то рядом хрустнула ветка.

– Ой, мамочки! – выдавила из себя Катя. – И что нам делать?

– Идти вдоль забора, – ответила шепотом Лера. – Рано или поздно мы выйдем на дорогу и попадем на дачу к Егору.

Ее идея была верной, и через несколько минут, которые показались Кате и Лере вечностью, подруги вышли на лесную дорогу. Девушки бросились со всех ног вперед. Внезапно перед ними сверкнули фары. Наверняка еще кто-то решил покинуть вечеринку!

Катя и Лера замахали руками и закричали, призывая водителя притормозить. Темный джип замер, тонированное стекло опустилось, девушки увидели улыбчивое лицо.

– Спасите нас! – закричали Катя и Лера в один голос.

Спустя несколько секунд они уже находились в салоне на заднем сиденье.

– Там какие-то типы... вооруженные... они убили Виктора... и нас хотели... – затараторили подружки.

– Не так быстро, пожалуйста. Кто кого хочет убить? – спросил водитель.

Катя, отдышавшись, начала рассказывать более связно. А Лера уставилась на блестящий предмет, лежавший на сиденье рядом с водительским. Это был изящный небольшой серп с удобной рельефной рукояткой.

– Спасибо, мы пройдемся пешком... – залепетала девушка.

Она рванула дверцу, но та не поддавалась. Они попали в ловушку! С легким жужжанием перед лицами девушек возникла черная перегородка, которая отделила их от шофера.

Лера и Катя стали стучать по стеклам, но это не возымело никакого успеха. Внезапно в салоне запахло чем-то резким, медицинским.

– Задержи дыхание! Они хотят нас отравить! – крикнула Лера.

Но было поздно. Катя закашлялась, схватилась за горло и прошептала:

– У меня все плывет перед глазами... я...

Она поверяла сознание, а вслед за ней та же участь постигла и Леру.

* * *

В себя Лера пришла от холода. Она дрожала всем телом. Руки и ноги у нее были связаны. Девушка не могла повернуться или пошевелиться. В лицо бил нестерпимо яркий свет.

Со всех сторон на нее надвигалась странная, внушающая трепет музыка – что-то среднее между древними церковными песнопениями и современным роком. Когда глаза привыкли к яркому свету, Лера смогла увидеть перед собой Катю, привязанную к столбу. Девушка была абсолютно нага.

Внезапно музыка прекратилась, и помещение – Лера была отчего-то уверена, что они находятся не под открытым небом, а в каком-то помещении, возможно, в подвале или бункере – вдруг заполнилось фигурами в рясах. Но рясы были не монашеские, а иного покроя, более походившие на ниспадающие жреческие одеяния. Лица вошедших закрывали низко надвинутые капюшоны.

– Этого должно хватить на всех нас! – раздался глухой властный голос. – Ибо в их жилах течет самое драгоценное, что только есть на Земле, – кровь! Приступим!

Снова раздалась музыка. Около дрожавшей от холода и ужаса Кати возникли несколько фигур. Находясь словно в трансе, Лера видела, как одна из фигур припала к шее девушки. Еще одна впиалась ей в грудь, кто-то в плечо и бедро. До слуха Леры доносились слабые стоны подружки.

«Они пьют ее кровь!» – догадалась Лера, понимая, что та же участь ожидает и ее. Но ведь вампиры существуют только в старинных романах и фильмах ужасов! И, возможно, еще в молодежных сериалах про нечисть, с которой ведет борьбу пара неустрашимых посвященных...

Стоны Кати становились все слабее и слабее. Наконец и вовсе стихли. Негодяи в рясах окружили тело девушки – так воронье нападает на беззащитное раненое животное.

– Не будьте столь алчны! До восхода еще много времени, и у нас имеется вторая жертва! – произнес все тот же властный голос.

Из глаз Леры покатались слезы. Вторая жертва – это она сама! Они убьют ее точно так же, как только что расправились с Катей. С Катей, ее лучшей подругой, которую она знала с детского сада...

Около девушки возникла фигура в рясе. Девушка почувствовала прикосновение острых зубов к своей шее. Но ведь вампиров не существует! Это все выдумки, сказки, мифы! Но мифы не убивают людей, мифы не высасывают из них кровь...

Внезапно свет потух, послышались крики и стоны. Лера, зажмурившись, ждала неминуемого. Но тот, кто был готов впиться ей в горло, вдруг исчез. Порыв ветра ударил девушке в лицо. Затем она ощутила прикосновение клыков к своему горлу и поняла, что зверский ритуал продолжился. Клыки пронзили ее кожу, и девушка провалилась во тьму...

* * *

Вид с террасы виллы открывался волшебный: лазурное море в паре сотен метров, бело-снежные красавицы-яхты на рейде, изумрудная зелень на берегу, постепенно уступающая место импозантным виллам и бетонным небоскреbam... Монако. Рай на Земле.

Гость не притронулся к чашке кофе, поставленной несколько минут назад перед ним вышколенным дворецким, размышляя о том, как ему следует вести разговор с хозяином виллы. Вилла была построена в начале двадцатого века и являлась далеко не самой большой на Лазурном Берегу, однако самой элегантной. Обстановка в стиле ар-деко придавала ей шарм прошедшей, давно канувшей в Лету золотой эпохи. Когда-то здесь останавливались и египетский король, и персидский шах, и даже легенда киноэкрана Грета Гарбо.

До недавнего времени хозяином виллы, одной из самых дорогостоящих в Монако и окрестностях, был итальянский миллиардер, обладатель сказочного состояния, не брезговавший, однако, сдавать ее таким же состоятельным, как и он сам, людям: у моря владелец проводил от силы три-четыре недели в году. Около года назад вилла поменяла хозяина и теперь принадлежала другому человеку. Тому русскому, от которого во многом зависела судьба и даже жизнь гостя. И не только его собственная судьба, но и будущее Ордена, что было намного, намного важнее!

Гость знал, что не порадует нового хозяина виллы хорошими новостями. Операция была подготовлена весьма тщательно, были проведены все необходимые мероприятия, давшие более чем поразительные результаты. Вне всяких сомнений – это она. Да, она! Об этом свидетельствуют все проведенные анализы. А наука никогда не лжет.

Им оставалось только протянуть руку и схватить девчонку, и тогда бы давнишняя мечта Ордена и самого гостя наконец-то осуществилась. Однако теперь девчонка исчезла. И никто не знает, где она находится. Конечно, никуда она не денется, рано или поздно Орден найдет ее. Но вот хозяин виллы ждать не хочет. Вернее, не может. А значит, все грозит пойти наперекосяк...

– Искренне надеюсь, что вы порадуете меня хорошими новостями! – раздался тихий голос за спиной гостя.

Тот вздрогнул, поднялся из кресла и протянул руку появившемуся из недр виллы новому хозяину. Русский владелец проигнорировал жест и опустил в стоявшее напротив кресло. Ему было чуть за пятьдесят: поджарый, с седыми волосами и стального цвета безжалостными глазами. Раньше он работал в КГБ и вроде бы даже кого-то убивал за границей. Ну да, врагов своей родины! Теперь же он – владелец крупных химических предприятий, банков, верфей. Один из тех, кого титулуют олигархами. Мультимиллиардер. Плейбой. Ценитель современного искусства.

Однако деньги – и гость знал это лучше, чем кто бы то ни было другой, – всего лишь деньги. Почти всегда они могут улучшить уровень жизни, зачастую делают счастливым (или создают видимость счастья), во многих случаях позволяют удовлетворить самые безрассудные и извращенные мечты и желания.

Но есть ситуации, повлиять на развитие которых деньги способны лишь отчасти. А бывают и такие моменты, когда деньги, даже самые большие, оказываются бессильны. Смерти деньги не нужны. Она заберет любого: и самого богатого человека на свете, и самого титулованного. Подкупить смерть нельзя. Но ее можно обмануть. Цель Ордена в том и заключалась – заполнить данный метод. Метод обмануть смерть.

– Итак, к делу! – продолжил хозяин виллы на очень неплохом английском.

Все же бывший шпион, работал в советском посольстве в Лондоне...

– Вы нашли ее? – спросил он и пронзил гостя взглядом стальных глаз.

Гость замялся с ответом.

– Что ж, отсутствие ответа зачастую и есть ответ, – сказал, поднимаясь, владелец виллы. – То, что вам нужно, находится у меня. Но вы получите это только тогда, когда найдете ее.

– Девчонка была почти у нас в руках, а потом... – промолвил гость, понимая, что его слова подходят на оправдание. – Нас опередили! Вы же знаете, господин Желдыбин, что у нас имеются конкуренты. У нас – и у вас!

Русский олигарх (потрепанные, выцветшие джинсы, туфли ручной работы из кожи анаконды, легкий кашемировый свитер и фантастической стоимости часы на запястье) ответил:

– Мой отдел безопасности устранил всех, кто находится на вашем пути. И на моем.

– Господин Желдыбин, если бы результат зависел от силы, то все давно было бы решено в нашу пользу. И в вашу, к слову сказать, тоже! – заметил гость с ядом. – Но сферы, в которых мы вращаемся, настолько тонки, что любое сотрясение может вызвать сход лавины. Лавины, которая погребет под собой всех нас. И вас в том числе!

– Кто именно? – поморщился олигарх, не любивший эзопов язык. – Они, то есть...

– Господин Желдыбин! – перебил его, повысив голос гость.

Дворецкий, замерший у входа на террасу и ожидавший приказаний хозяина, вздрогнул. Чтобы кто-то позволил себе повысить голос на хозяина виллы? Невероятно!

– Первым правилом, как вам отлично известно, является то, что это слово не произносится вслух! – напомнил гость.

Желдыбин снисходительно усмехнулся (но за его снисходительностью скрывался страх) и ответил:

– Хорошо, будем, как в любимых романах моей дочери, вести речь о «Том-Чье-Имя-Нельзя-Называть». Это они?

– Не исключаю такой возможности, – ответил гость уклончиво. – Потому что у них, как вы прекрасно понимаете, свой интерес. Потому что только она может решить их проблемы!

– Или это наш «поборник справедливости»? – зло продолжил Желдыбин. – Он опять сует свой аристократический нос в дела, которые его не касаются?

– Да, без него, увы, не обошлось и на сей раз, – вздохнул гость. – Но, уверяю вас, Орден разберется. Потому что за нами тысячелетняя история.

– История провалов, поражений и разочарований! – хмыкнул олигарх. – Учтите, время идет. Мое и ваше. И... и моей дочери, – замолчав, добавил он иным, поразительно мягким тоном.

Гость тоже помолчал для приличия несколько секунд, а затем задал важный для себя вопрос:

– Могу ли я просить вас продемонстрировать мне артефакт, находящийся в вашем распоряжении?

– Не доверяете? – усмехнулся олигарх. – Думаете, я блефую?

– Как можно... – начал гость, но Желдыбин, махнув рукой, остановил его, заметив:

– Только откуда мне знать, что это не попытка разнюхать о системе охраны на вилле? И с чего вы вообще взяли, что я храню артефакт здесь, а не в банковском сейфе, к примеру?

Гость безмолвствовал. Олигарх сделал повелительный жест, и к нему приблизился дворецкий с серебряным подносом, на котором находился ноутбук. Раскрыв его, Желдыбин повернул ноутбук дисплеем к гостю и сказал:

– Взгляните на фотографии. Надеюсь, они удовлетворят ваше любопытство.

Гость в течение пары минут рассматривал изображение, и на его лице играла загадочная улыбка.

– Да, это артефакт, в том нет никаких сомнений! Не подделка, а подлинник! И он у вас, господин Желдыбин! – Голос гостя от волнения сорвался.

Олигарх небрежно захлопнул ноутбук.

– Если вам известно имя девчонки, то сообщите его мне. Мои ребята найдут ее в десять раз быстрее вашего Ордена...

– Не сомневаюсь, господин Желдыбин. Но тогда вам не потребуется менять девушку на артефакт, и мы останемся ни с чем. Поэтому давайте действовать так, как договорились.

Русский, вставая, заявил:

– Учтите, я не могу ждать. Ведь на артефакт найдутся и другие покупатели. Охотники, к примеру. В конце концов, ваши дружки...

– Они не мои дружки! – вспыхнул гость. – И не упоминайте их лишний раз! Если вы продадите им артефакт, то, боюсь, ни вам, ни вашей дочери не придется насладиться спокойной жизнью. Ибо тогда насупит новая эра – их эра. И ваши миллиарды и служба безопасности вас уже не спасут. Только мы можем использовать артефакт во благо!

– Ну, или этот ваш «поборник справедливости»... – поддел олигарх.

– Что он может предложить вам? – воскликнул гость. – Он – одинокий рыцарь, сражающийся с ветряными мельницами! Только наш Орден даст то, что столь нужно вам и вашей дочери. Только наш Орден, запомните! Так что забудьте о двойной игре, господин Желдыбин!

Лицо олигарха исказила гримаса, и он обронил:

– У вас есть две недели. Потом я поступаю с артефактом по своему усмотрению.

Не прощаясь, хозяин виллы стремительным шагом вышел с террасы и скрылся в доме. Дворецкий отконвоировал гостя к выходу и, пожелав ему доброго дня, захлопнул тяжеленную дверь.

* * *

Борис Борисович Желдыбин никогда и ничего в своей жизни не боялся. На него было совершено шесть покушений, в результате одного из которых у него был поврежден позвоночник. Врачи тогда заявили, что остаток жизни ему придется провести в инвалидном кресле.

Борис Борисович не доверял врачам. Меньше чем через полтора года он снова смог предаться своему любимому занятию по утрам – игре в теннис. На ноги его поставило не только колоссальное богатство и возможность использовать перспективные медикаменты, находящиеся в стадии разработки, а в первую очередь нестигаемая воля.

Желдыбин всегда получал то, что хотел.

Так было и в далекой юности, когда он дал себе зарок, что конопатый жирный Толик из соседнего двора больше никогда не будет избивать его. Борис начал заниматься дзюдо, что было в те времена редкостью. А несколько лет спустя Толика, ставшего законченным алкоголиком, нашли в подворотне – кто-то вогнал ему в сердце нож. Расследование зашло в тупик, дело осталось «висяком», потому что не было обнаружено ни следов, ни улик. А родители Толика, которых тот нещадно гонял, впад в пьяный раж, вздохнули с облегчением. Никто не дознался, что убил Толика тот самый щуплый мальчишка (правда, превратившийся уже в коренастого молодого человека), жертва его постоянных издевательств...

Так было и позднее, на первых курсах института, куда Борис поступил вопреки советам родственников, уверявших, что ему нечего соваться в «белые воротнички», ведь все равно ничего хорошего не выйдет, а лучше парню, как отец и старшие братья, на заводе вкалывать. С первого дня студент Желдыбин понял, что не является «одним из»: у него не было высокопоставленных родичей, одевался он бедно и во все советское, а вместо собственной «Волги» у него имелся дребезжащий велик, на котором Борис ездил при любой погоде (и денег на транспорт тратить не приходилось, и себя поддерживал в форме).

Он знал, что над ним смеялись, что его считали чудаком, что ни в одну из компаний его не примут. А он и не хотел. Борис был сам по себе, потому что у него имелась мечта. И он знал, что рано или поздно она осуществится. А к чему стремятся эти трутни, его сокурсники? У них же и так все есть! Родители после окончания вуза пристроят своих чад на теплое местечко в то или иное министерство или на то или иное предприятие.

Борис Желдыбин хотел быть лучше, чем они. Хотел, чтобы папенькины сыночки подчинялись ему, завидовали. Чтобы его боялись. Но дабы достичь этого, даже при социализме требовались деньги и связи. Однако деньги и связи были только средством для достижения гораздо более важного – власти...

Так было и к концу обучения в институте, когда самая красивая и желанная девушка на курсе, Даша, стала сначала его подругой, а потом и законной женой. Причем несмотря на то, что ее внимания добивались молодые люди, одетые во все заграничное, разъезжавшие на собственном авто и даже бывавшие в настоящей – капиталистической, а не социалистической – загранице!

Дашу он любил безумно, но никогда не показывал ей своих чувств. Боялся, что когда-нибудь его слабость будет использована против него. А у него, Бориса Желдыбина, не имеется слабостей по определению!

Невзирая на красный диплом, у молодого человека не было особых перспектив. В начальники ему никогда не выбиться, потому что начальниками, как давно уже смекнул Борис, становились не самые умные или талантливые, а наиболее приспособляющиеся. Он же не желал приспособливаться. Но и выпадать из строя было опасно.

Поэтому Желдыбин и подал заявление в организацию, аббревиатура которой заставляла многих трепетать: КГБ. Он не верил в идеалы Октября, на «холодную войну» ему было наплевать, однако Борис знал, что только так он сможет обрести то, что ему так нужно: власть...

Так было и после развала Советского Союза, когда началось его стремительное возвышение. Он покинул организацию и ушел на вольные хлеба, обладая уже тем, что необходимо для обретения богатства и власти: связями. К концу девяностых Желдыбин стал миллиардером.

У него имелось два сына, Борис и Леонид: один занимался химическими предприятиями, входившими в империю отца, другой – банками и страховыми агентствами. К сыновьям Борис Борисович относился строго, очень редко снисходя до похвалы. Он видел, что молодые люди стараются подражать ему и вести дела у них получается неплохо. Однако все равно они на порядок хуже, чем отец.

Тогда-то, переживая кризис среднего возраста, Борис Борисович и задумался над тем, что, собственно, дают ему богатство, связи и власть. Он был в великолепной физической форме – каждый день, невзирая на распорядок дня, как минимум час проводил в тренажерном зале и еще сорок минут – в бассейне. Врачи, которым Желдыбин так и не научился доверять, уверяли, что у него сердце двадцатипятилетнего и сосуды тридцатилетнего.

Но рано или поздно – и Борис Борисович понимал это – ему придется передать бразды правления сыновьям. Потому что никто не вечен. И он, несмотря на свои миллиарды, не станет исключением из правил. Ну и какой тогда смысл стремиться к чему-то, что-то строить, если твои потомки разрушат возведенный тобой дворец или, что еще хуже, превратят его в свинарник?

А затем наступило время потерь. Вначале то покушение, в результате которого он на долгие месяцы оказался прикованным к кровати и к инвалидном креслу. Но если бы только это...

Даша, его любимая, обожаемая Даша, погибла. Она получила слишком тяжелые ранения и фактически спасла ему жизнь: если бы из бронированного автомобиля первым вышел он, а не жена, то именно Борис отправился бы на тот свет.

Умерла Даша не сразу, почти три недели находилась в коме, и врачи, которым Желдыбин не доверял, старались спасти ее. Возможно, если бы он был рядом, если бы держал ее за руку, если бы покрывал ее пальчики поцелуями, жена бы и выжила. Возможно... Он бы что-то придумал, он бы не мог смотреть на то, как жизнь медленно вытекает из его любимой Даши.

Но Борис сам был при смерти, сам был в коме. И ничего не мог сделать. А когда наконец пришел более-менее в себя, Даша была уже мертва.

Исполнителей покушения нашли через год – и всех уничтожили. Сложнее оказалось с заказчиком, потому что врагов у Желдыбина имелось много, и не так-то легко было установить, кто же именно его заказал. Но он и с этим справился. Надо же, Иудой оказался его старинный приятель!

Борис Борисович отправил подлеца на тот свет самолично. А его люди довершили начатое и прикончили семью врага – и молодую беременную жену, и трех детей-подростков. Око за око, зуб за зуб. А вскоре Желдыбин оправился и начал, как всегда по утрам, играть в теннис.

Только без Даши был так пусто и зыбко в этом мире. Он не мог представить себе, что какая-либо женщина займет ее место. Однако даже в мире миллиардеров имеются свои правила, хотя бы и неписанные. Чтобы не стать жертвой глупых сплетен, жалостливых взглядов и смешков за спиной («Желдыбин-то, человек из кремня, все еще тоскует по своей ненаглядной!»), которые непременно отразились бы на его репутации и в итоге на бизнесе, Борис Борисович стал плейбоем.

Любовницы – все моложе, все известнее – менялись с калейдоскопической быстротой. С одной из них, темнокожей топ-моделью, которой уже подпирало к сорока и которая понимала, что колокол мира моды уже давно звонит по ней, Желдыбин даже обручился – по предложению своего пиар-отдела. Конечно, жениться на особе, для которой все измерялось только в трех ипостасях – долларах, евро и фунтах стерлингов, – он не намеревался, да и «невеста» понимала, что ей не суждено сделаться мадам миллиардершей. Это была сделка, одна из тех, что бизнесмен заключал практически каждый день. Женщина получила щедрые отступные и кофр с подаренными «женихом» во время их романа драгоценностями, Желдыбин – известность и признание в гламурных кругах за рубежом.

В жизни Бориса Борисовича было очень много денег, отличного секса и – странного, щемящего чувства неизвестности. Однако даже после смерти Даши у него имелась моральная опора. Ее тоже звали Дашей, в честь матери, и она была единственной дочерью Желдыбина, поздним незапланированным ребенком.

Ради дочери Борис Борисович был готов на все. Он любил младшую Дашу так же сильно, как и Дашу старшую. Нет, вероятнее, даже еще сильнее. Дочка напоминала ему во многом самого себя (или он это лишь вообразил?), и когда ей было четыре года, Желдыбин точно знал: если кто и станет во главе его империи, так только Дашенька! Сыновья, выпускники элитных зарубежных университетов, получают по паре сотен миллионов, им с лихвой хватит, а корона перейдет от него к Дашеньке.

Желдыбин знал, что за все в жизни надо платить. Однако, раздумывая над этой старой истиной в редкие часы досуга (например, во время трансатлантических перелетов или на очередной гламурной вечеринке), он пришел к выводу, что уже понес наказание. Он потерял любимую жену!

И все же когда врачи сказали, что у его дочери рак, Борис Борисович не мог отделаться от ощущения, что подспудно ожидал чего-то подобного. Судьба, старая седая стерва с коровьим задом и выеденными червями глазами, наносит мастерские удары!

Диагноз – медуллобластома задней черепной ямки. Самое распространенное онкологическое заболевание головного мозга у детей. Желдыбин дал себе зарок, что на сей раз не позволит смерти одержать верх. И, чтобы сдержать обещание, был готов прибегнуть к любым средствам. К любым...

С момента установления неутешительного диагноза миновало два с половиной года. Дашенька перенесла две операции, которые прошли успешно. Однако врачи, те самые врачи, которым Борис Борисович так не доверял и которые когда-то не смогли спасти его жену, открыли ему жестокую правду.

– Герр Желдыбин, вы должны знать, что прогноз у вашей милой дочери... э-э-э... положительный, – сказал ему лучший в мире специалист по онкологическим заболеваниям головного мозга у детей, когда они находились в гамбургской клинике. И тут же добавил: – Насколько в подобном случае вообще можно вести речь о чем-то положительном. Пятилетняя выживаемость составляет порядка семидесяти процентов...

– Тридцать не выживают! – холодно подвел итог олигарх.

Профессор развел руками:

– Именно так. Но вы сами хотели узнать истинное положение вещей. До взрослого возраста доживает не более половины пациентов. Что же касается старости... Увы, ничем не могу вас порадовать. Мне очень жаль, герр Желдыбин. Все же врачи не боги...

Эту фразу ему впоследствии приходилось слышать не единожды. Немец только подтвердил то, что раньше Борис Борисович услышал в Москве, а перед тем – в Нью-Йорке.

Одним словом, положение дел таково: его деньги, связи и поистине неограниченные ресурсы позволяют Дашеньке вести комфортную жизнь в течение нескольких, возможно, и многих лет. Однако она никогда не станет взрослой. Ей не суждено состариться. Она не выйдет замуж и не сделает его дедом. И уж точно не встанет у штурвала его империи. Потому что рано или поздно болезнь одержит верх. У его дочери и у него самого было в запасе несколько лет, в лучшем случае, при самом благоприятном раскладе, лет десять-двенадцать. И то если фантастически повезет. Но Желдыбину везло в жизни слишком часто, и рассчитывать на везение в случае с Дашенькой он не мог.

Врачи не боги. Да, это так. Значит, ему нужен некто, обладающий силой бога. Той силой, которая бы избавила его Дашеньку от болезни. И Борис Борисович отдал соответствующее распоряжение. Поиском занялись сотрудники суперсекретного отдела, являвшегося частью его отдела безопасности. Они отслеживали любой след, не отвергали ни старинных легенд, ни статей в желтой прессе, ни интернет-сообщений с закрытых форумов.

Им потребовался почти год, чтобы наткнуться на первое упоминание. Когда Борис Борисович прочел короткое резюме, он только хмыкнул. Но чем черт не шутит! Вот именно, черт...

Его ребята начали осторожно копать. Потому что в тех областях, в которые они вторглись, любое неосторожное движение могло привести к трагическим событиям. Там не любили шумиху, там сторонились известности, там все было подернуто завесой тайны.

Но у Бориса Борисовича имелся весомый аргумент – деньги. Они требовались всем и всегда. Даже тем, кто жил в тени и предпочитал солнцу луну. Так Желдыбин вышел на Орден. И смог узнать чрезвычайно много занятного и интересного. Того, что, как сразу понял Борис Борисович, спасет его Дашеньку.

Орден был очень старинный, основанный якобы еще в Древнем Вавилоне. Хотя, скорее всего, враки: реально история Ордена прослеживалась с начала пятнадцатого века. Пару раз Желдыбин встречался с гроссмейстером Ордена в тихой замшелой Женеве, но в основном общался с его «правой рукой», который претендовал на место гроссмейстера в случае, если кресло главы организации в ближайшее время освободится.

– Не понимаю я вас, – сказал как-то олигарх «правой руке». – Гроссмейстер исполняет свои функции пожизненно. А значит, его кресло может освободиться только в случае кончины вашего шефа. Но ведь у вас имеются такие возможности!

«Правая рука» только слабо улыбнулся:

– Тогда бы, господин Желдыбин, кресло никогда не освобождалось, что, вне всяких сомнений, привело бы к самоликвидации нашего Ордена.

Потребовалось время (то самое время, которого ни у Бориса Борисовича, ни у Дашеньки не было!), чтобы узнать: Орден не использует свои возможности не по каким-то этическим причинам, а из-за того, что этими возможностями в реальности-то не располагает! Потому что члены Ордена очень хотели задействовать древний секрет, хранителями которого являлись, но им были прекрасно известны связанные с его применением недостатки и неудобства.

Имелись еще и *они*. «Те-Чье-Имя-Называть-Нельзя». Да и имен у них было великое множество: каждый народ называл их по-своему. Но суть – одна. Правда, с *ними* очень сложно договориться. Конечно, за деньги, а также за некоторые иные материи они готовы приобщить страждущего к своей вековой тайне, сделать его членом своего древнего полуночного братства.

Но Борис Борисович не хотел, чтобы его дочка становилась членом их братства. Потому что существование «Тех-Чье-Имя-Называть-Нельзя» строго регламентировано, подчинено незыблемым правилам и, что хуже всего, не менее опасно, чем жизнь больного медуллобластомой задней черепной ямки. Однако Желдыбин понимал: если не найдется другой вариант, он будет вынужден использовать эту возможность.

Правда, в таком случае Дашенька перестанет быть Дашенькой. Она превратится в... Во что она превратится, Борис Борисович предпочитал не думать. Ведь такое существование ничуть не лучше смерти!

Хотя имелась и третья возможность. Воплотить ее в жизнь – или в смерть, как вернее сказать? – и стремились члены Ордена. Есть старинное предание, основывающееся на древней легенде. Но даже в сумрачных кругах мало кто верил в правдивость мифа.

А Борис Борисович тотчас понял, что именно *это* спасет Дашеньку. *Это* не просто избавит ее раз и навсегда от ужасной болезни и от всех других болезней в будущем заодно, но и позволит Дашеньке оставаться Дашенькой. В конце концов, Желдыбин подумывал и о том, чтобы и самому подвергнуться ритуалу. Тогда он будет со своей дочкой всегда. Вечно! И отнюдь не в переносном смысле!

Однако существовали определенные трудности.

Во-первых, некоторые из «Тех-Чье-Имя-Называть-Нельзя», кто верит в легенду, стремились заполучить артефакт. Ибо без него ритуал не может иметь места.

Во-вторых, «рубиновое звено», и именно оно – самая большая проблема. Потому что без «рубинового звена» артефакт всего лишь ненужный, хоть и очень дорогой предмет, не более того. Так же, как и без артефакта «рубиновое звено» – обыкновенный человечиска. Да, «рубиновое звено» было живым существом. И чтобы могла жить Дашенька, кто-то должен умереть.

Однако для Бориса Борисовича это как раз не являлось проблемой. Что ж, все люди смертны. Во всяком случае, те, кто не подвергся ритуалу. Даже «Те-Чье-Имя-Называть-Нельзя» смертны, хотя средняя продолжительность их жизни (если по отношению к ним можно вообще вести речь о жизни!) намного больше средней продолжительности жизни современных долгожителей – японцев или шведов. И все потому, что они уже давно перестали быть только монстрами (пусть многие из них до сих пор и предпочитали добывать себе пищу по старинке), но и перешли в разряд добычи. Поэтому, стань Дашенька одной из «Тех-Чье-Имя-Называть-Нельзя», она подверглась бы опасности через какое-то время стать жертвой. Какой смысл, сбегав от Сциллы, оказаться во власти Харибды? Бизнес-баланс такой сделки явно отрицательный.

Значит, требовалось найти «рубиновое звено». А оно, как знал Борис Борисович, существовало. Плохо только, что интерес Желдыбина к данной тематике, а также его встречи с членами Ордена и с некоторыми из «Тех-Чье-Имя-Называть-Нельзя» получили ненужную огласку. Теперь не только он один хотел заполучить артефакт и «рубиновое звено», но и все,

кто знал их наверняка, стремились первыми прийти к финишу и заграбастать главный приз. А главный приз – это бессмертие.

Желдыбин знал, что конкуренты чрезвычайно опасны, причем никто из них не остановится перед самым мерзким преступлением, дабы подвергнуться ритуалу. Однако опасность только подстегивала Бориса Борисовича. И он был твердо уверен, что выиграет. Потому что речь шла не о нем, а о Дашеньке. Даже если ему придется заплатить своей жизнью – Дашенька выздоровеет. И не только...

В-третьих, имелся этот странный некий, «поборник справедливости». Борис Борисович в шутку именовал его «перебежчиком», эдаким подлунным Олегом Гордиевским, решившимся на предательство по отношению к собственной касте. До добра его положение не доведет, «поборник справедливости» уже давно вне закона, однако умудряется до сих пор существовать. Собственно, пусть идет к черту, главное, чтобы не путался под ногами, стараясь заполучить артефакт и «рубиновое звено». Однако сей субъект был наименьшей проблемой Бориса Борисовича.

В-четвертых, имелись еще охотники. Но этих клоунов, вечно размахивающих мечами, Борис Борисович всерьез не воспринимал...

Завершив разговор с гостем, олигарх поднялся на третий этаж виллы. Около золоченых дверей дежурили два охранника. Желдыбин прошел в апартаменты дочери. Медсестра, тихо поздоровавшись, сообщила, что все показатели в норме, и вышла, оставив его с дочерью наедине.

Борис Борисович оказался в спальне Дашеньки. Его дочка – в розовой пижаме, с книжкой в руках – лежала на кровати.

– Привет, пап! – произнесла она, не отрываясь от страниц.

Борис Борисович поцеловал девочку и погладил ее по темным волнистым кудрям, под которыми скрывалась центральная проблема – опухоль. Где-то там, в черепной коробке девочки, прятались раковые клетки, которые делились, подпитывая опухоль, не давая болезни исчезнуть.

– Пап, ты обещал, что позволишь мне самой управлять яхтой! Ты обещал, пап! – воскликнула Дашенька.

– А раз обещал, значит, так и будет, – кивнул олигарх и посмотрел на часы. – А теперь время для...

– Знаю, пап.

Дашенька, отложила книгу в сторону, закатала рукав и откинулась на подушки.

– Пап, а где Мистер Квак? – спросила она с беспокойством, и отец протянул ей сидевшего на стуле в углу комнаты большого плюшевого лягушонка по прозвищу Мистер Квак.

Мистер Квак в смешном фраке и с крошечным цилиндром на приплюснутой зеленой голове был любимой игрушкой Дашеньки. Вообще-то девочка не признавала игрушек, а если раньше и играла, то в машинки, а не в куклы. Мистер Квак, которого она увидела в небольшом антикварном магазинчике в Париже, стал для нее другом, товарищем, членом семьи. Дашенька ложилась спать, прижимая его к себе, и подкладывала под голову, когда наставало время очередной инъекции. Желдыбин знал, что Мистер Квак помогает Дашеньке держаться. Ведь девочке было известно, что она больна и что ее ожидает.

Дашенька прижала к себе Мистера Квака, а Борис Борисович отвернулся, увидев покрытую точками следов от инъекций худую ручку дочери. Вернулась приветливая медсестра. Борис Борисович поцеловал дочку и вышел из спальни. Он не мог смотреть на то, как в руку Дашеньки вбивается игла.

Скоро, совсем скоро это закончится. Болезнь навсегда отступит – и весь мир окажется у ног Дашеньки! Он сделает все, что от него зависит, а если будет нужно, спустится даже в

преисподнюю и заключит договор с дьяволом. Впрочем, как знал Борис Борисович, дьявол – всего лишь глупая выдумка людей.

Федор Крылов

– Смерть достопочтеннейшего Петра Спиридоновича для всех нас – невосполнимая утрата, небывалая трагедия! – произнес белобрысый молодой человек в больших роговых очках дрожащим тоном. Извинился, вытащил из кармана пиджака огромный клетчатый платок и шумно высморкался.

Сидевшая напротив него за круглым дубовым столом, покрытым накрахмаленной скатертью, дама тоже не сдержалась и всхлипнула. Все же Петр Спиридонович был настоящим ученым, раз его студенты и аспиранты так живо реагируют на его кончину!

Молодой человек, представившийся Нине Аркадьевне, экономке покойного профессора Петра Спиридоновича Хымбальца, аспирантом одного (имя и фамилию Нина Аркадьевна не запомнила, вернее, не разобрала, потому что молодой человек произнес их скороговоркой и чрезвычайно скомканно), продолжая шумно сморкаться, вертел головой по сторонам, осматривая квартиру покойного историка, ставшего в середине прошлого месяца жертвой разбойного нападения и убийства.

– К великому сожалению, я был на научной стажировке в... в Южной Америке, вернулся только вчера, поэтому не мог проводить в последний путь нашего дорогого ученого и моего горячо любимого научного руководителя! – заявил безымянный аспирант. Незаметно для Нины Аркадьевны он ловко извлек из кармана пиджака цифровой фотоаппарат и, держа его так, чтобы экономка не могла видеть, сделал несколько снимков квартиры профессора Хымбальца. – Так что не могли бы вы, уважаемая Нина Аркадьевна, рассказать мне, как именно мы потеряли нашего дорогого профессора? У меня разрывается сердце, но я чувствую, что должен узнать детали, ибо иначе не найду душевного покоя!

Нина Аркадьевна, предложив столь хорошо воспитанному и милому аспиранту профессора чай с бубликами, пустилась в воспоминания, прерываемые всхлипами и лирическими отступлениями. Она не подозревала, что ее исповедь записывается на цифровой диктофон, который находился у молодого человека в другом кармане пиджака.

– Я обнаружила Петра Спиридоновича в кабинете! На ковре! С проломленной головой!

Аспирант, естественно, изъявил желание лицезреть место трагедии и был препровожден экономкой в кабинет. Ковер с кровавым пятном исчез, что было не так уж плохо. «Его всегда можно подрисовать в фотошопе, – решил молодой человек. – Побольше и поярче, читатели такое любят».

– И сразу поняла, что грабители желали заполучить коллекцию Петра Спиридоновича! – продолжала экономка. – Еще бы, ведь к нему и из-за границы приезжали, дабы попытаться перекупить тот или иной экспонат! Вот дня за два до ужасного инцидента был господин, кажется, из Франции. Или из Бельгии. Предлагал Петру Спиридоновичу, как профессор мне потом не без гордости сообщил, целых восемьсот тысяч евро! Но Петр Спиридонович отказал ему.

– И что же хотел приобрести тот француз или бельгиец? – возжелал узнать аспирант, на что экономка развела руками:

– Жемчужину коллекции Петра Спиридоновича! Она, кстати, тоже исчезла во время ограбления. Профессор хранил ее в большой шкатулке, причем всегда в сейфе. Я всего несколько раз ее видела. Однажды убиралась у него в кабинете, а шкатулка стояла на столе... – Нина Аркадьевна снова всхлипнула. – Пыльная она была такая, что я тряпкой по ней провела. Ну и, случайно так получилось, шкатулка открылась...

Молодой человек не стал заострять внимание дамы на том, что ни одна шкатулка не откроется, причем случайно, оттого, что по ней слегка проведут тряпкой. Наверняка старуху

раздирало любопытство и она хотела узнать, что же профессор прячет, вот и «поколдовала» над замочком.

– И что же там было? – спросил гость с интересом.

Но Нина Аркадьевна горестно ответила:

– Не знаю, потому что в шкатулке была еще одна! Такая диковинная, явно старинная, с эмблемой на крышке – змея, кусающая себя за хвост. Я решила ее тоже протереть...

– То есть открыть, – промурлыкал себе под нос молодой человек.

– Но появился Петр Спиридонович и сказал, что к шкатулке прикасаться запрещено. И вообще, он был очень недоволен. Честно скажу: весьма груб! Раньше он никогда себе такого не позволял, а тут даже накричал на меня и обозвал... обозвал «глупой курицей». Однако потом пришел с извинениями. Шкатулка, оказывается, очень ценная. И изображена на ней... Как же он назвал? Я потом слово это записала, больно оно диковинное... Амфисбена! Раньше шкатулка принадлежала какому-то Ордену или что-то в таком роде...

Мысль молодого прохвоста, который, конечно же, был не аспирантом профессора Хымбальца, а Федором Крыловым, ведущим пером желтой-прежелтой столичной газетенки «Бульвар-экспресс», уже всю работу таинственная шкатулка, похищенная в числе прочих реликвий, так и не найдена в отличие от других вещей. Странно, странно...

Зазвонил телефон, Нина Аркадьевна извинилась и оставила гостя в кабинете одного, что позволило Федору сделать несколько снимков кабинета покойного, обшарить его письменный стол и засунуть нос в большую тетрадь.

Делать здесь было больше нечего, и «аспирант», сославшись на то, что ему нужно обратно в университет, на заседание кафедры, простился с Ниной Аркадьевной.

– Однако заседание кафедры всегда в последний четверг месяца, – произнесла та, начиная прозревать, но Федор Крылов, сбегая по лестнице, крикнул:

– Перенесли, перенесли! Всего хорошего!

Покинув жилище покойного профессора на Гоголевском бульваре, молодой человек уселся в свой «Фольксваген» и поручил в редакцию «Бульвар-экспресса», что располагалась на Ленинградском проспекте. По пути он заглянул в чебуречную, где наскоро перекусил, написал три эсэмэски, четыре раза позвонил, сам принял два звонка, а еще один пропустил. Наконец он вошел в подъезд обшарпанной высотки.

– Федяка, привет! – приветствовала его на пороге редакции полная дама с пламенно-рыжими волосами, в очках в сиреневой оправе и с тремя килограммами серебряных цепочек, кулонов и талисманов на рубенсовской груди. – Где пропадаешь? А то твои пассии телефоны обрывают, работать не дают...

– Сконцентрироваться на выдумывании душераздирающих сенсаций не позволяют! – поддакнул выехавший в кресле на колесиках из открытого кабинета бородач в замызганном свитере. – Здорово, Федор! Как у тебя обстоят дела с маньяком-извращенцем в Митино? Резонанс есть, читатели звонят, факты дают. Уже объявилось восемь жертв, чудом сумевших уцелеть. И это с учетом того, что маньяк выдуманный! Так когда продолжение будет?

– Пусть пока без меня маньячат, – ответил Крылов, направляясь в свой закуток. – Я на золотую жилу попал! Причем, не поверите, ничего выдумывать не надо. Разве что приукрасить.

– Как ничего выдумывать не надо? – встрепенулась маленькая энергичная дама со странной стрижкой (левая сторона головы короткая и белая, правая – длинная и черная) и с большим кольцом в носу. – Теодор, ты роняешь репутацию нашего «Бульвар-экспресса» ниже плинтуса! Кому нужна сермяжная правда? Пипл буквально требует, чтобы его обманывали!

Федор ничего не ответил, так как уже сидел перед компьютером и что-то строчил. Да, история получится знатная! Поисковик выплюнул результаты. Ага: амфисбена – мифическая обоюдоглавая змея, питается трупами... Брр! По сообщению Светония, ядовита. Глаза во тьме горят, подобно фонарям. Пока одна голова спит, другая бодрствует. Для врагов неуязвима. В

случае опасности образует колесо и просто-напросто со страшной скоростью укатывает прочь. Используется в геральдике, но редко. Считается символом двух начал – жизни и смерти. Олицетворяет злую силу, коварство и отчего-то вечность. Гм, занятно...

Именно эта тварь была изображена на шкатулке, в которой хранилось самое главное сокровище покойного профессора Петра Спиридоновича Хымбальца. Старик был не просто историком и известным коллекционером, а чокнутым историком и сумасшедшим коллекционером. Он специализировался на магических и оккультных предметах, причем его коллекция, по мнению экспертов, была лучшей в России.

А потом еще неразбериха с преступниками... Она-то и привлекла внимание светила «Бульвар-экспресса»: на сенсации, дутые или подлинные, у Федора Крылова был нюх. Так вот, из квартиры профессора Хымбальца был похищен ряд чрезвычайно ценных и редких экспонатов. Имелся и точный список украденного – благо что покойный коллекционер вел строгий учет. Общая стоимость наживы переваливала за полтора миллиона евро. Федор аж крикнул – будь у него такие бабки, он бы ни за что не стал тратить их на всякую псевдомистическую ерунду!

И надо же, спустя три дня после убийства профессора в милицию поступил сигнал от одного из столичных барыг, перекупщиков краденого: кое-кто пытается сбыть с рук экспонаты коллекции убитого Петра Спиридоновича. Не то чтобы совесть у представителя криминального мира заговорила, просто покупать вещицы все равно не имело смысла, так как потом продать их не имелось ни единого шанса.

Были арестованы два неработающих жителя столицы, двадцати шести и тридцати одного года от роду. Причем и тот другой субъекты уже успели отличиться и оттрубить по несколько лет в местах не столь отдаленных – один за разбойное нападение и кражу, другой за групповое изнасилование и мошенничество. Убивать эти типы раньше никого не убивали, но никто не верил их заверениям в том, что они невиновны. Потому что версия их звучала бредово: якобы, слоняясь ночью по городским закоулкам, около раскрытого канализационного люка они увидели джип, из которого вышли два человека, тащивших тяжелый ящик. Джип через минуту скрылся в неизвестном направлении, а ребята решили проверить, что же находится в ящике, который пассажиры джипа швырнули в люк. Ящик был деревянный и, на счастье, еще не утонул. И не было предела их радости, когда они увидели разнообразные, по большей части старинные, предметы – фигурки, амулеты, гравюры, книги. Великовозрастные бездельники с большим трудом вытащили ящик из канализации, правильно предположив, что предметы сии чего-то стоят, и оттащили его к знакомому барыге.

Милиция и прокуратура хохотала над показаниями задержанных. Ясно, что субчики не хотели колотиться и признаваться в содеянном, но чтобы изобрести такую нелепую историю! Кто, похитив экспонаты частной коллекции на полтора миллиона евро, решил бы просто выбросить их в канализацию?

Однако задержанные клялись и божились, что все было именно так. Была произведена проверка – и надо же, на указанной улице в Южном Бутове в самом деле был обнаружен открытый канализационный люк: там проводились сантехнические работы, о чем свидетельствовали ограждение и предупреждающие знаки. А на дне колодца нашлись несколько вещей из коллекции профессора Хымбальца. Видимо, «джентльмены удачи», вытаскивая в темноте вещицы, в спешке просто их уронили. Там же плавали и части разломанного деревянного ящика.

Показания задержанных совпадали с показаниями соседей профессора, которые видели припаркованный около здания черный джип и нескольких приземистых молодых людей в темных куртках, с короткими стрижками и незапоминающимися лицами, которые в большой спешке выносили из подъезда деревянный ящик. Номер джипа был заляпан грязью.

В итоге несостоявшихся графов Монте-Кристо отпустили под подписку о невыезде, и подозрение в участии в ограблении и убийстве профессора Петра Спиридоновича Хымбальца

было с них снято. Во всяком случае, временно. Однако через несколько дней бедолаг снова загребли, и они по сей день находились в КПЗ. Их снова обвиняли в убийстве коллекционера и разбойном нападении.

Федор Крылов, который имел приятелей, друзей и осведомителей (а также бывших и настоящих пассив) в разнообразных государственных структурах и ведомствах, сразу же заинтересовался этой историей, едва узнав обо всех занимательных подробностях.

Журналист «Бульвар-экспресса» провел собственное расследование, побеседовал с родителями и женами арестованных, сумел краем глаза взглянуть на протоколы допроса и пришел к выводу, что дело нечисто. Кто-то упорно старался свалить вину за убийство и ограбление Хымбальца на двух, быть может, далеко не самых честных и примерных, однако в данной конкретной ситуации абсолютно невиновных граждан.

Да и один важный милицейский начальник, большой любитель французского коньяка, финской сауны и девочек по вызову (причем и того, и другого, и третьего за чужой счет!), пребывая в отличнейшем расположении духа, последовавшем за утехами тела (все тем же французским коньяком, финской сауной и девочками по вызову за чужой счет), просветил Федора по поводу того, что кто-то сверху давит, требуя не заниматься идиотизмом и не искать черную кошку в темной комнате.

– Так и было сказано: подозреваемые, мол, задержаны, улики налицо, так чего мудрствовать лукаво? А виноваты они или нет, дело десятое. К тому же оба срок мотали, причем неоднократно. А если в самом деле клад в канализации нашли, так надо было нести в милицию!

Кстати, Федор тогда, слушая откровения милицейского начальника, подумал, что, найди лично он в канализации клад, ни за что бы не потащил его в милицию, ибо там сидят люди, подобные собеседнику. Кто именно оказывал сверху давление и почему заурядное, собственно, дело об убийстве и ограблении вдруг заинтересовало кого-то из «шишек», милицейский начальник не знал.

– Вот что, Федяка, скажу я тебе: будешь меньше знать дольше будешь жить! Я в такие дела не лезу и тебе не советую. Попали ребята – плохо, но что поделать. Сами виноваты!

Федор Крылов его мнения не разделял. Не то чтобы он был великим борцом с судебным произволом (хотя мысль о том, что два человека окажутся на долгие годы за решеткой за преступление, которого они не совершали, душу ему не грела), но журналисту «Бульвар-экспресса» хотелось напасть на настоящее, серьезное и, что самое важное, сенсационное дело. На историю, которая бы сделала его знаменитым. И которая помогла бы ему забраться на самый верх «желтого» Олимпа. А то ему двадцать девять, а он все еще корреспондент далеко не самой известной и отнюдь не самой популярной бульварной газетенки.

Вот почему Крылов и вцепился в эту историю. Да еще если во всей катавасии замешан кто-то из сильных мира сего... Но, разумеется, действовать следовало крайне осторожно. И Федор чуял – история может получиться знатная!

Самое интересное, что были найдены все похищенные предметы, за исключением некоего мраморного фаллоса, использовавшегося для черт знает каких эротических церемоний в одной секте дьяволопоклонников в средневековой Франции. Из сего следовало, что именно данный мраморный фаллос и находился в шкатулке со змеей-амфисбеной, которую профессор хранил в сейфе.

Но многое не сходилось: конечно, этот самый фаллос был редкостью, но если бы кто-то предложил профессору за него целых восемьсот тысяч евро, то вряд ли тот имел основания ответить отказом. За такие деньги можно купить целую дюжину, если не две, подобных фаллосов, они то и дело выставляются на разнообразных зарубежных аукционах. Раритетом мраморная штукенция, предназначенная для дефлорации и пенетрации поклонниц (или даже поклонников!) Князя Тьмы во время черных месс, вовсе не является, как подтвердил Крылову один из его информаторов.

И самое важное: фаллос был в длину около полуметра, точнее – сорок восемь с половиной сантиметров, и в шкатулку, которую видел Крылов, поместиться ну никак не мог.

К тому же рабочие, проводившие ремонтные работы, выловили в канализационном колодце покрытые бурым налетом куски мрамора, сложив которые можно было лицезреть тот самый злосчастный фаллос – без некоторых пикантных деталей, видимо, навсегда оставшихся в недрах московской клоаки.

Таким образом, выходило, что грабители вообще ничего не взяли, а выбросили всю свою добычу в канализацию! Можно, конечно, предположить, что целью было именно физическое устранение профессора, и его смерть, дабы скрыть истинную причину, инсценировали как результат разбойного нападения. Но в это Федор не верил – если профессор, предположим, что-то знал (хотя какая такая смертельная тайна могла быть ему известна?) или, скажем, не хотел поставить «зачет» дочке олигарха или сыну миллиардера (впрочем, детишки таковых на историческом факультете Московского государственного гуманитарного университета, где профессора Хымбальц возглавлял одну из кафедр, попросту не учились), то его могли устранить иным, гораздо более прозаическим и не столь хлопотным способом. А просто прибить в подъезде. Или переехать автомобилем. Или, в конце концов, пристрелить из-за угла.

И Федор, гордившийся своими аналитическими способностями, был страшно рад, сделав следующий вывод: похищено содержимое шкатулки из сейфа, а остальное добро убийцы прихватили для отвода глаз, дабы никто не понял, за чем они на самом деле охотились. Но что же было в шкатулке с амфисбеной? В описи коллекции профессора нет упоминания ни о шкатулке, ни о чем-то невероятно ценном и абсолютно уникальном. И это все больше и больше занимало Федора Крылова. В воздухе явно запахло сенсацией.

Предположим, рассуждал далее репортер, некий чрезвычайно богатый коллекционер возжелал получить экспонат, принадлежащий профессору Хымбальцу, и послал к нему парламентаря, предложившего ученому восемьсот тысяч евро. Но тот ответил отказом. И спустя несколько дней профессора прихыкнули, а шкатулка бесследно исчезла...

Фантазия поставщика сплетен «Бульвар-экспресса» заработала вовсю. Что могло находиться в шкатулке такого, что коллекционер не пожелал продать за восемьсот тысяч евро? Гигантский бриллиант, наподобие «Орлова» или «Шаха»? Вряд ли. Ведь обладая профессор подобным сокровищем, он бы давно переехал в собственный замок на Луаре. Карта, указывающая путь к затонувшему галеону, груженному золотом ацтеков? Потерянный шедевр Леонардо? Нет, скорее всего, предмет был каким-то образом связан с мистической и оккультной тематикой. Во всяком случае, он – нечто очень ценное, стоящее гораздо больше восьмисот тысяч евро. А эта цифра Федору очень даже нравилась и грела ему душу.

Да, такое читатель обожает! И ведь самое главное – история не выдуманная, а самая что ни на есть реальная! А если не только найти убийц и заказчика, но и отыскать содержимое шкатулки... Как и в случае с кладом в канализации, Федор в милицию его точно не понес бы.

Просматривая ссылку, найденную поисковиком, Федор заметил знакомое название: клуб «Амфисбена». И рядом – изображение двуглавой змеи в виде кольца. Гм, кольцо, знак возрождения и бесконечности...

Федор, завсегдатай различных увеселительных заведений, никогда не слышал о клубе «Амфисбена». Он попытался открыть страницу, однако появилось сообщение, что страница недоступна или удалена.

Кому пришло в голову дать клубу такое название? И почему ссылка не открывается, если любое значное заведение живет за счет рекламы и постоянного упоминания в СМИ и в Интернете? А о клубе «Амфисбена» нельзя было найти ничего!

Может, его уже не существует? И вообще, с чего он взял, что этот клуб каким-то образом связан со смертью профессора и содержимым таинственной шкатулки? Федор, как обычно,

полагался на свое чутье. Оно его еще ни разу не подводило! И что-то подсказывало репортеру, что следует наведаться в этот самый клуб, эмблемой которого был символ вечной жизни...

Как всегда, помог один из информантов. И через два часа Федор Крылов знал, что клуб «Амфисбена» находится недалеко от станции метро «Щелковская». Странно, отчего на самой окраине столицы? Как будто владельцы клуба (а кому он принадлежал, Федор так и не сумел разузнать: в документах значился некий Александр Николаевич Иванов – как будто кто-то специально заметал следы и выбрал, надо сказать, не самую редкую комбинацию имени, отчества и фамилии) намеренно желали, чтобы их заведение оставалось в тени и не привлекало внимания. Желание для хозяев ночного клуба более чем удивительное...

Поэтому Федор принял решение заглянуть в клуб «Амфисбена». Если окажется, что это подпольный бордель или свингер-клуб, или место встречи поклонников зоофилии или копрофагии, придется дать задний ход.

Федор, привыкший регулярно развлекаться в увеселительных заведениях до утра, подрулил на своем «Фольксвагене» к указанному дому в начале двенадцатого ночи. На улице располагались высотки, типичные для спального района. Похоже, местные жители по большей части уже почивали.

Корреспондент «Бульвар-экспресса» заглушил мотор, оказавшись в самом конце улицы, на порядочном отдалении от последнего панельного дома. Федор искал неоновую вывеску, сверкающие огни, на худой конец, стоянку и очередь перед клубом. Но ничего такого ему обнаружить не удалось. Здание с искомым номером больше походило на неработающий супермаркет или склад. Поблизости не было ни единого фонаря, все тонуло во тьме.

Наконец, приглядевшись, Федор заметил, что «склад» окружен оградой. Вдруг в темном здании появился прямоугольник мертвенно-синего цвета, и Крылов увидел нескольких чело-
век, вошедших в здание. Донеслась до него и странная музыка, похожая на смесь старинных католических песнопений и тяжелый рок.

Значит, все же ночной клуб. Следовательно, он получил верную наводку. Припарковав «Фольксваген» на обочине, Федор направился к воротам. Глаза уже привыкли к темноте, и он заметил фигуры, приближавшиеся к клубу с разных сторон.

Фигуры, подходя к воротам, производили какие-то манипуляции, видимо, прикладывали к электронному замку карточку членов клуба или еще что-то. Федор направился к входу – и вдруг кто-то задел его. Крылов мог поклясться, что за секунду до этого перед ним никого не было, и вдруг он узрел высоченного типа, наверное, два метра двадцать, облаченного во все кожаное и черное, с длиннющей бородой и длинными седыми волосами.

– Брат, ты новенький? Кто произвел процедуру превращения? – произнес он странным свистящим голосом.

Затем, как опять же показалось Федору, тип с шумом втянул воздух, и – корреспондент «Бульвар-экспресса» трезвый, аки стеклышко, мог поклясться на Библии, что было именно так! – его глаза на мгновение вспыхнули во тьме изумрудно-зеленым светом, как у кошки.

– Мужик, что ты здесь делаешь? – спросил бородач уже совершенно иным, наглым и развязным, тоном. И тембр голоса тоже разительно изменился. – Топай, пока еще можешь! Ну, вали отсюда!

Федор со страхом заметил, что всего за пару секунд его окружили не меньше десятка личностей в черном. Они возникли как из-под земли!

– Да я, собственно, хотел бы в клуб, в «Амфисбену»... – произнес Крылов, кляня себя за то, что не носит в кармане баллончика с едкой смесью или складного ножа.

– Клуб только для постоянных членов. Ты к ним не относишься! Так что вали!

Внезапно Федора охватил животный ужас, и он опрометью бросился к своему автомобилю, дрожа, прыгнул за руль и рванул с места. Ему понадобилось около получаса, чтобы успокоиться.

И отчего он повел себя как истеричная дамочка? Конечно, неприятно, когда оказываешься взятым в кольцо странными типами, похоже, к тому же не совсем психически нормальными. Но почему он так перепугался?

* * *

На следующий день, позвонив в редакцию «Бульвар-экспресса» и навав, что заболел, Федор Крылов снова отправился к клубу «Амфисбена». Сейчас светило неяркое ноябрьское солнце, и на душе было как-то спокойнее.

При свете дня здание, в котором располагался клуб, выглядело запущенным и заброшенным. Репортер разглядел дверь, через которую вчера входили в клуб клиенты и откуда вырывались блики мертвенно-синего света и странная музыка. Оглянувшись по сторонам, Федор не без труда перелез через забор (который был увенчан колючей проволокой!) и оказался на территории, примыкавшей к клубу.

Вывески он так и не сумел обнаружить – ее просто не было! «Склад» выглядел необитаемым. Конечно, Крылов знал клубы, которые делают ставку именно на стиль «трэш», но здесь была не имитация мусорки, а подлинная мусорка!

Удивило Федора и то, что подле здания не было ни одной урны, и тем не менее нигде не валялось ни единой пустой бутылки или алюминиевой банки из-под пива. Что это за клуб, если в нем не подают спиртного? А на то, что территория хоть иногда убиралась, не походило и вовсе.

Крылов приблизился к большой металлической двери, которая вела внутрь, и заметил, что на ней несмываемой белой краской нарисована амфисбена: двуглавая змея, свившаяся в кольцо.

Ручки с внешней стороны не было, и дверь, конечно же, была заперта. Федор принял решение обойти клуб по периметру. Ни единого окна, хотя бы самого крошечного! А те, что когда-то имелись в стенах, были или заложены кирпичом, или наглухо закрыты приваренными металлическими пластинами.

С обратной стороны здания Федор обнаружил еще одну дверь, также с эмблемой амфисбены. Похоже, в клуб вели только два этих входа. Один для гостей, другой, видимо, для поставщиков.

Узрев валявшийся ящик, Федор подтащил его к стене, взгромоздился на него и попытался заглянуть в щель, имевшуюся между неплотно пригнанной металлической пластиной и окном.

– Не советую вам заглядывать сюда ночью! – услышал Федор позади себя насмешливый голос, попытался обернуться и полетел вниз, так как ящик под ним попросту развалился.

Корреспондент «Бульвар-экспресса» повалился на спину и увидел, что над ним стоит писаная красавица, чем-то отдаленно похожая на голливудскую звезду Кэтрин Зет-Джонс: треугольное лицо, карие глаза в обрамлении пышных ресниц, темные волосы, ниспадающие на воротник длинного стильного кожаного плаща, который облегал фигуру незнакомки, как перчатка, и выгодно подчеркивал ее высокую грудь.

Красавица протянула Федору руку, затянутую в черную же перчатку. Федор смущенно пробормотал:

– Извините, что случайно оказался на территории вашего клуба...

Молодая женщина, которой на вид было лет двадцать шесть—двадцать семь, вдруг схватила Федора за локоть и с небывалой для дамы силой буквально поставила его на ноги. И это

при том, что журналист был далеко не астенического телосложения и гордился своими пропорционально распределенными восемьюдесятью килограммами.

– Клуб не мой, я тоже, как и вы, нахожусь здесь без разрешения хозяев, так что нечего извиняться, – ответила дама. – Что вы здесь делаете?

Федор, обретя прежний апломб, перешел в нападение:

– Непременно сообщу вам, если вы поведаете мне, что здесь делаете вы!

Красотка в черной коже, делавшей ее похожей на Жанну д'Арк в постмодернистской пьесе, отчетливо произнесла, глядя Крылову в глаза:

– Вижу, вы один из профанов. Повторяю только один раз – забудьте сюда дорогу! Ведь это вы пытались прорваться в «Амфисбену» прошлой ночью? Я вас видела. Нечего вам здесь делать!

– Почему, разрешите полюбопытствовать? – ехидно спросил Федор. – И вообще, что это за клуб такой? Никто о нем ничего не знает! А если я хочу стать его членом?

– Не советую, – усмехнулась красотка – вернее, странная гримаса исказила ее лицо. – Став однажды его членом, вы останетесь им до... до того момента, как встретитесь со мной.

– Ну, мы же с вами уже встретились! И не произошло ничего ужасного! – сдохмил Крылов.

Но дама, сильно потрянув его, сказала:

– Итак, для особо тупых повторяю: убирайтесь прочь и забудьте о клубе «Амфисбена»!

– Почему? – спросил Федор, уже давно сообразивший, что красотка в курсе того, что ему так хотелось узнать. – Что здесь происходит? Сборища сексуальных извращенцев? Подпольные боксерские бои? Кровавый тотализатор? Торговля наркотиками?

Дама, надев стильные солнцезащитные очки, процедила:

– Думайте что хотите. А теперь – кыш! Из-за вас я потеряла уйму времени. Не люблю ноябрь – солнце заходит слишком рано, а встает слишком поздно.

Федор не торопился уходить. Красотка, вздохнув, произнесла:

– Вы что, искатель правды? Знаете, что с такими, как вы, происходит? Их в лучшем случае вылавливают с пульей в черепе из реки. Или находят в расчлененном виде в лесополосе.

– В лучшем? – спросил Федор саркастически. – А что же в худшем?

– В худшем они попадают сюда. – Красотка хлопнула ладонью по стене здания. – Ночью. В качестве бутылки.

– В качестве... чего? – переспросил Крылов. Но ответа он не получил, потому что с торца здания донеслись голоса. Его знакомая (вернее, все еще ему не знакомая) рванула Федора за собой и, вжав в стену, прошептала на ухо:

– Молчите!

От красотки тонко пахло духами. Крылов облизнулся, уставившись на упругую грудь дамочки. Не женщина, а мечта! Не чета всем его подружкам, бывшим, настоящим и будущим.

Последовав примеру дамы, он осторожно выглянул из-за угла и увидел, как через открытую дверь входят и выходят люди – молодые мужчины в черном. Тут же стоял черный «Мерседес» с тонированными стеклами, из салона которого в клуб тащили какие-то свертки и пакеты.

– Объясните мне, что здесь происходит... – начал Федор.

И вдруг красотка легонько стукнула его костяшками пальцев в грудь – корреспондент согнулся от неимоверной боли. Ему не хватало воздуха, горло парализовало, а в глазах потемнело. Несколько минут, показавшихся ему вечностью, Крылов боролся с крайне неприятными ощущениями.

– Уехали! – сказала дама, повернувшись к Федору. Затем ткнула в его грудь пальцем, и болевой синдром как рукой сняло. – Извините, но надо было как-то заткнуть вам рот.

– Как это у вас получается? – спросил удивленный корреспондент. – Тайная восточная техника?

Красотка отрезала:

– Слишком много вопросов. Из-за вашего присутствия я упустила крайне удобный момент – дверь была открыта, они не ожидали нападения. Хозяева спят, слуги работают. Слуги, на теле каждого из которых имеется татуировка в виде амфисбены. Так сказать, их фирменный знак.

– Нет, вы мне должны сказать, в чем тут дело! – упрямо повторил Федор, выглядывая из-за угла. – Это преступная группировка, ведь так? Мафия? Религиозная секта? Секта сексуальных извращенцев, мерзких педофилов или каннибалов? Вау, такая шикарная тема!

– Проехали, – ответила дама. – Еще вопросы есть?

– Да, – честно признался Федор. – Не скажете ли, как вас зовут? И еще бы хорошо ваш телефончик...

Ответом был только шелест. Когда через пару секунд Федор повернулся, его собеседницы и след простыл. Репортер осторожно осмотрелся – и как это незнакомка за несколько мгновений сумела перемахнуть через забор и скрыться? Вау, она что, олимпийская чемпионка?

Федор удалился прочь, приняв решение, что обязательно наведается в клуб грядущей ночью. Похоже, его члены проявляют особую активность именно в темное время суток.

Даже если клуб «Амфисбена» и не связан с убийством профессора Хымбалыца и кражей таинственной шкатулки, то, значит, он, Федор, наткнулся на новую, еще более многообещающую, тему. Тут явно место сборищ членов какой-то тайной организации, и какой именно, Федор желал выяснить во что бы то ни стало.

Конечно, мафиози или каннибалы не терпят вмешательства в свои кровавые делишки, свидетелей устраняют без всяческих сантиментов, красотка была права. Только что она имела в виду, говоря, что лучше быть убитым, чем оказаться ночью в клубе? Только одно – там творится нечто неопишное, нечто мерзкое и до мозга костей криминальное!

Репортер тут уже представил себе, как министр внутренних дел вручает ему правительственную награду за то, что именно он, Федор Крылов, корреспондент «Бульвар-экспресса», вывел правоохранительные органы на след глубоко законспирированной преступной группировки или кровавой секты...

* * *

Возвращаться к клубу «Амфисбена» ночью было страшновато, однако желание прославиться и заработать много денег пересилило инстинкт самосохранения. На сей раз Федор припарковал свой «Фольксваген» во дворе одной из высоток и подобрался к клубу с обратной стороны. Затем он перелез через забор и, как заправский шпион, оказался около второй двери.

Прислушался – в здании гремела все та же странная музыка. Из-за угла он видел, как главная дверь то и дело открывалась, пропуская внутрь все новых и новых гостей. Федор сделал несколько снимков – специально для этого прихватил с собой свою лучшую камеру.

Внезапно послышался легкий скрежет, и молодой человек едва успел отскочить в сторону, потому что вторая дверь, которая была до сих пор заперта, вдруг распахнулась. Федор буквально врос в стену, не забыв, однако, прижать камеру к животу так, чтобы можно было сделать пару снимков.

Из залитого призрачным синим светом нутра здания вывалилось несколько типов. В одном из них Федор узнал того самого бородача, который накануне толкнул его и произнес свистящим голосом странные слова. Другой был ниже ростом, но все равно высокий, плечистый, абсолютно лысый, со странной татуировкой на части лысины и шее – кажется, дракона.

Двое мужчин с обеих сторон поддерживали за руки или, вернее, тащили молодую девушку. Федор едва сдержал вздох изумления – девушка, симпатичная платиновая блон-

динка, была абсолютно нагой! И что самое ужасное, ее тело было залито кровью и покрыто не то порезами, не то укусами.

– Квинт, стой! Бутылка еще жива! – произнес тот, что с татуировкой, обращаясь к бородачу.

Федор негнушным пальцем нажал на кнопку, надеясь, что камера захватит нужный ракурс. Блеснула вспышка. Корреспондент «Бульвар-экспресса» замер от ужаса, но типы этого не заметили. Дверь за их спинами со скрежетом захлопнулась.

– Думаешь, я не чувствую, Арек? – откликнулся бородач. – Но кто сказал, что мы должны выбрасывать бутылку в таком состоянии? Тебе что-нибудь досталось?

– Нет, Квинт! – ответил субъект с татуировкой и причмокнул губами. – Наши лорды, как обычно, стояли в первых рядах. А мы только на то и годны, чтобы мусор выносить да от бутылок избавляться!

– Знаешь, что я думаю, Арек? – сказал Квинт. – Перед тем, как исполним приказание, немного выпьем. А то меня уже давно в животе урчит.

Они оттащили девушку, которая была если не мертва, то находилась в бессознательном состоянии, за угол. Федору показалось, что типы склонились над ней. Что они с ней делают? Хотят изнасиловать несчастную? И что должен делать он сам – вступиться, помочь, рискуя собой? Федор вдруг вспомнил, что говорила ему прелестная незнакомка – лучше умереть, чем оказаться ночью в клубе «Амфисбена»...

От волнения палец корреспондента соскользнул, попал на кнопку – и мощная вспышка прорезала на мгновение темноту. За эту секунду Федор сумел увидеть, что Квинт и Арек на карачках замерли перед несчастной, припав губами к ее телу. Они, по всей видимости, занимались не чем иным, как пили ее кровь!

– Посторонний! – раздался бас бородача Квинта.

Федор похолодел, понимая, что его засекли. Ничего хорошего тон бородача не предвещал. Через мгновение репортер ощутил у себя на шее стальные пальцы и почувствовал, как неведомая сила отрывает его от земли. Не хватало воздуха, перед глазами возникли разноцветные круги.

– Это тот самый парень, что вчера пытался проникнуть сюда. Все же проник... Арек, зови охрану!

– Квинт, зачем? Сам подумай – молодой здоровый мужик. Самый смак! А если отдадим его охране, нам ни капельки не достанется!

Федор с трудом соображал, о чем эти двое ведут речь. Они что, хотят его... обесчестить? Вот ведь чертовы извращенцы! Пусть только попробуют! Будут собирать потом свои причиндалы по всей галактике! «Амфисбена» – притон содомитов? Но почему тогда жертвой стала девушка?

– Ты прав, Арек! А с бабой чего?

– Ее на закуску. Ну что, приступим?

Вдруг послышался шелест, а вслед за тем последовал приглушенный крик, оборвавшийся так же внезапно, как и начался. Железная хватка бородача по прозвищу Квинт ослабла. И снова шелест.

– Вам же было сказано не соваться сюда больше! – раздался знакомый голос, и Федор Крылов, еще не пришедший окончательно в себя, понял, что во дворе появилась прелестная незнакомка, с которой он общался днем.

Дверь клуба распахнулась, репортер увидел нескольких типов, один из которых гнусаво произнес:

– Эй, Квинт, Арек, вы где там?

В призрачном свете, сочившемся из клуба, журналист заметил Квинта и Арека, лежавших на земле. Неужели дамочка, пусть и не самого хрупкого телосложения, за пару секунд справилась с двумя мужиками?

Однако что это? Чего-то обеим фигурам не доставало... И Федору потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, чего именно. Квинт и Арек были обезглавлены, а их головы валялись тут же, неподалеку.

Крылов от ужаса выпустил камеру из рук, та шмякнулась оземь. Федор зажал себе рот обеими руками, стараясь сдержать крик, который рвался из его горла.

– Ладно, Уриан, оставь! – произнес кто-то из завсегдатаев клуба «Амфисбена». – Припрутся, куда денутся. Нам же больше достанется. Потому что с минуты на минуту подадут новую бутылку!

Дверь захлопнулась, а Федор сполз по стенке вниз – ноги репортера «Бульвар-экспресса» больше не держали. Тыкая пальцем в направлении двух обезглавленных тел, Крылов просто-нало:

– Они... Их кто-то убил... Отрезал им головы...

– Не кто-то, а я! – ответила незнакомка и элегантно движением загнала в ножны, висевшие у нее за спиной, длинный кривой меч, чем-то похожий на турецкий ятаган.

– Вы? – выдохнул Федор, чувствуя, что сейчас хлопнется в обморок. Он старался не смотреть в сторону мертвецов. Вот до чего довело его любопытство! Он оказался во власти сумасшедшей маньячки, которая только что хладнокровно обезглавила двух человек. И пусть эти типы были далеко не самыми приятными собеседниками, но кто дал право какой-то домо-рощенной амазонке махать мечом и сносить людям головы?

– Вы... меня... тоже убьете? – простонал Федор.

– Если вы один из них, то непременно! – ответила лихая незнакомка. Затем подала ему руку и поставила дрожащего репортера на ноги. – Но вам повезло, они вас еще не обнаружили. И одним из них вы не стали. Хотя в любом случае вы бы закончили бутылкой.

– Кем? – промямлил Федор, желая, чтобы все оказалось дурным сном и чтобы он сейчас же проснулся на своей продавленной кушетке.

– Бутылкой. То есть их стандартной жертвой. У них такой жаргон, а вообще-то калька с английского. Штатовские свои жертвы титулуют bottle, – ответила красотка, подходя к голой искусанной девушке. Проверив ее рефлексy, она произнесла: – Мертва. Хорошо потрудились, ничего не скажешь!

– Кто такие – они? – выпалил Федор, который вдруг осознал, что эта жуткая история, в которую попал, может стать ключом к журналистской славе и признанию.

В тот момент произошло нечто совершенно из ряда вон выходящее: тела Квинта и Арека вдруг вспыхнули странным зеленовато-оранжевым пламенем. Федор отшатнулся и прошептал:

– Господи, что же это такое? Самовозгорание человеческого тела? Я о таком слышал...

Он замолк, потому что фразу следовало бы закончить так: «...но считал выдумкой журналистов желтой прессы». И ведь не только слышал, но и сам сочинял подобное – в прошлом году вешал читателям лапшу на уши, утверждая, что пенсионерка Зоя Варфоломеевна С. в один прекрасный июньский день вспыхнула у себя на даче и сгорела дотла – остался только левый тапочек...

Дама, с тонкой улыбкой следившая за небывалым действием, удовлетворенно заметила:

– Да, самовозгорание. Но отнюдь не человеческого тела. Это единственно верный способ убить их – отделить голову от туловища, что приводит к высвобождению энергии и, как следствие, к самоуничтожению. Как кошки инстинктивно скребут лапой после того, как сходят в туалет, так они заматают следы – то есть сгорают, словно бенгальские огоньки.

Федор, чувствуя, что, несмотря на холодную погоду, с него ручьями течет пот, воскликнул:

– Да что вы говорите загадками! Кто они? И почему горят? Это противоречит всем законам природы!

– Нет, это и есть как раз подтверждение законов природы, – ответствовала одинокая мстительница. – Только тех законов, с которыми знакомы далеко не все. Итак, вы второй раз сорвали мой план. Я намеревалась уничтожить сегодня ночью гораздо больше. Если бы повезло, одного из лордов. Или члена совета. А придется ограничиться двумя «шестерками», вынуждена опять с вами мыкаться. Пора уходить. Потому что тела, вернее, то, что от них останется, скоро обнаружат. А они, что вполне понятно, очень не любят, когда их кто-нибудь уничтожает.

– Да кто эти таинственные они? – взмолился Федор.

Дама подняла с земли камеру, вручила ее Федору и, легонько толкнув его, сказала будничным тоном:

– Вижу, мне от вас не отделаться. И не отрубать же вам голову! Я людей не трогаю, только всякую пададь...

Красавица кивнула в сторону пылавших мистическим огнем тел Квинта и Арека.

– Вы хотите знать, с кем мы имеем дело? И кто такие они? Все очень просто. Вампиры!

* * *

Если бы еще день или два назад кто-то заявил Федору Крылову, золотому перу «Бульвар-экспресса», что вампиры – не выдумка, а самая что ни на есть трагическая реальность, он бы сначала рассмеялся тому человеку в лицо, затем позвонил бы в Кашенко и вызвал бригаду, чтобы забрали выдумщика, у которого не все дома, а под конец спял бы отличную, жуткую-прежуткую, лживую от первого до последнего слова статейку с душераздирающим заголовком «Мой дедушка – вампир, и он высосал кровь из всей моей семьи!».

Разговор, который радикальным образом изменил течение жизни Федора, состоялся в небольшой харчевне, обставленной в аляповатом псевдоитальянском стиле. После того как они с незнакомкой покинули территорию клуба «Амфисбена», Крылов, сразу же и безоговорочно поверивший ее словам, взмолился, прося раскрыть ему глаза на кровавую истину.

Даму звали Дианой. Было ли это ее подлинное имя или, так сказать, рабочий псевдоним, спросить Федор не решился, однако пошутил, пока брели к авто его спасительницы:

– В честь принцессы?

Автомобиль оказался навороченным внедорожником. Небрежным жестом бросив на заднее сиденье меч, при помощи которого она пару минут назад отрубила головы Квинту и Ареку, красотка ответствовала:

– В честь римской богини охоты. Потому что я тоже охочусь. На них.

На вампиров, понял Федор. Стиль вождения Дианы мало чем отличался от стиля ее работы: резкий, бескомпромиссный. Вжавшись в сиденье, Крылов молил бога (существование которого он всегда отрицал, но в которого вдруг истово уверовал: ведь если есть вампиры, то есть и господь!), чтобы они не попали в аварию и не слетели в кювет.

Диана включила магнитола, и из динамиков полился «Реквием» Моцарта.

– После трудового дня, вернее, трудовой ночи, люблю послушать Моцарта. Кстати, знали ли вы, Федя, что вампиры преследовали и бедного Вольфганга Амадея? Тот самый черный человек, который явился ему под конец жизни, был не кто иной, как известный венский вольный каменщик барон Сигизмунд фон Штейниц, по совместительству руководитель венской ложи вампиров и сам, конечно же, тоже вампир. Кровосос уже начал обряд превращения, чем и объясняется резкое ухудшения здоровья Моцарта в то время. То есть барон попросту сосал из него по ночам кровь. Вампиры, которые, как и простые смертные, были пленены музыкой маэстро, решили, что настало время сделать его одним из своих, дабы такой талант жил вечно.

Один из моих предков положил кровавой вакханалии конец и отрубил барону голову. Но силы Моцарта были настолько подорваны постоянным кровопусканием, что композитор скончался. Так как велика была вероятность того, что он после смерти все же превратится в вампира, мой предок, заплатив кладбищенскому сторожу, отрубил Моцарту голову, а тело сжег. Кстати, череп великого композитора – до сих пор наша семейная реликвия...

Федор поежился и спросил:

– А вы, значит, их преследуете?

– Да, – кивнула Диана. – Кому-то же надо уничтожать этих тварей! Итак, у вас масса вопросов. Понимаю, что делаю большую ошибку, но иначе от вас не отделаться, Федя...

Его имя она произносила с едва уловимой иронией.

– Обычно я стараюсь действовать без свидетелей. Тем более что вампиры предпочитают укромные, безлюдные места. Я согласна ответить на пару ваших вопросов, а потом мы расстанемся, и на этот раз навсегда. Я вернусь к своей жизни, вы – к своей, Федя. Пора перекусить. Потому что не только вампиры испытывают голод, но и мы, простые смертные...

Федор пытался пригласить Диану к себе, но она с презрительной улыбкой отмела его предложение. А вопрос о том, где живет в Москве сама, и вовсе проигнорировала.

– Я нигде не живу, потому что работы много, – смиловилась она наконец, подруливая к ресторанчику на Щелковском шоссе. – До закрытия еще около часа, успею поужинать и кое-что рассказать вам, Федя.

Крылов, нервно перелистывая меню и в двадцатый раз читая одно и то же, никак не мог начать разговор. Ну как можно в какой-то забегаловке вести речь о таких сенсационных, необычайных, ставящих с головы на ноги всю теорию эволюции вещах?

Мимо сновали официанты, приходили и уходили посетители, слышались смех, громкие голоса. Сделав наконец заказ, Федор нагнулся к Диане и прошептал:

– А здесь их нет?

Диана, отпив апельсинового сока из бокала, поставленного перед ней официанткой, покачала головой:

– Нет. Места, где собираются люди, они не любят. Тем более ресторан, Федя. Сами посудите, они предпочитают иную, жидкую, пищу. С большим количеством эритроцитов и плазмы. Таковую здесь не подают.

Ожидая, пока будет готова пицца, Федор продолжил:

– Неужели они существуют? Они, вампиры?

Диана чуть двинула бровью.

– Не произносите это слово вслух! Оно действует на них как магнит. Первое правило – никогда не произносить их имя вслух. Лучше говорить – «они».

– А сколько их в Москве? – спросил Федор, с тревогой поглядывая на посетителей ресторана. Кто гарантирует, что один из них – не вампир?

– Примерно пятьсот особей, – ответила Диана. – Для такого мегаполиса, конечно, на первый взгляд немного. Однако, Федя, уверяю вас: дай им волю – пятьсот кровососов способны превратить Москву в кладбище меньше чем за две недели.

– А, понимаю, – кивнул Федор. – Вам... то есть кровосос кусает кого-то, тот сам становится жертвой, и так далее – число тварей нарастает в геометрической прогрессии!

Подали дымящуюся пиццу. Федор с дрожью уставился на пурпурные ломтики помидора. И стал пытаться официантку, входит ли в ингредиенты пиццы чеснок.

– Чеснок не помогает, это все бабушкины сказки, вернее, мифы, которые они сами распространили, – усмехнулась Диана, когда официантка ушла. – Крест их тоже не берет. Святая вода и подавно. Иконы, молитвы, заклинания на латыни – ерунда. И осиновый кол в сердце неэффективен. Как и было сказано: лучше отделять голову от туловища.

Федор поежился: что за разговоры за едой! Однако, как ни странно, аппетита ему столь неаппетитная тема не испортила. Диане и подавно.

– Но почему их ничего не берет? – спросил он, прожевав кусок пиццы. – Они такие сильные?

– А почему это должно их взять? – парировала Диана. – Религия в течение тысячелетий рассматривала кровососов как мистических существ, подчиненных воле правителя ада. Понятия не имею, существует ли ад и черти. Не уверена и насчет бога. Они – не потусторонние существа. Они – результат эволюции. Своего рода человеческие мутанты. На них распространяются законы животного мира, однако имеются и правила, которые действуют только для них.

– Они – результат эволюции? – едва не подавился Федор. – Такие монстры – наши, так сказать, сородичи?

Диана чуть склонила голову:

– Тираннозавры или саблезубые тигры – тоже результат эволюции. И тоже наши отдаленные предки. Кровососы – побочная ветвь гомо сапиенс, как, к примеру, неандерталец или питекантроп.

– Но ведь они живут вечно, да? – спросил Федор, на что уничтожительница вампиров ответила:

– Теоретически да. Кстати, это опять основывается на биологических законах. Ведь бессмертие в природе существует! Некоторые простейшие могут жить практически вечно – тысячи, миллионы, а то и миллиарды лет. Смерть – всего лишь генетическая программа, и кровососы научились ее отключать. Но для того чтобы это функционировало, им требуется особое питание – кровь!

Федор быстро отпил из своего бокала и осторожно заметил:

– Значит, если регулярно пить кровь, то можно прожить вечно...

Диана хохотнула.

– Если вы, Федя, будете регулярно есть овес, то все равно не заржете и не выиграете скачки в Аскоте. А если начнете по утрам грызть морковку и кочерыжки, у вас не вырастет куцый хвост и заячьи уши. Кровь делает бессмертным лишь того, кто изначально является кровососом. Или стал таковым. Венгерская графиня Элизабет Батори на рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков тоже пыталась повернуть время вспять и вернуть утраченную молодость, поэтому купалась в крови девственниц и даже пила их кровь. Но так как вампиром она не была, то ни к чему, кроме расстройства желудка, ее питье не привело. А ведь в то время Венгрия кишела кровососами! Графиня могла воспользоваться их услугами, но, видимо, никто из них не хотел сделать своей сестрой психованную садистку-климактеричку...

– А как стать одним из них? – задал Федор якобы невинный вопрос.

– К делу это отношения не имеет! – заявила Диана. – И не старайтесь отыскать их и склонить к тому, чтобы они сделали вас одним из «своих». Они используют вас как бутылку, то есть в качестве примитивной жертвы – высосут подчистую, вот и все. За численностью кровососов следит Генеральный совет, которому подчиняются региональные советы в каждой отдельно взятой стране. Количество новых кровососов, продуцируемых из простых смертных посредством процедуры перерождения, строго регламентировано и определяется каждый год на их съезде, своего рода шабаше кровососов. И число новообращенных зависит оттого, сколько кровососов потеряли за прошедший год свои головы – благодаря мне и моим коллегам-охотникам!

– А кто вы, охотники? – поинтересовался Федор.

На что Диана, вытирая губы салфеткой, ответила:

– Этого, Федя, я вам не скажу. Потому что кровососы охотятся, в свою очередь, на нас, на тех, кто охотится на них.

Федор с самого начала импровизированного интервью понял: имей он возможность его опубликовать, ему на все времена обеспечено звание самого гениального и талантливого жур-

налиста в мире. И сколько бы денег оно принесло! Вся загвоздка вот в чем – если главный редактор и пропустит интервью, то все будут считать статью Крылова о вампирах полным бредом!

– А это... как бы сказать поточнее... состояние... Это что – болезнь? Вирус? Проклятие?

– Федя, никакой мистики, все имеет сугубо физиологическое объяснение. Проклятие, чистилище, не принимающее души грешников, падшие ангелы здесь абсолютно ни при чем. Вампиризм, как предполагает большинство ученых, которые посвящены в тайну, является генетической программой. Однако она имеет что-то общее с вирусом, потому что посредством контакта «зубы в шею» вампиризм передается жертвам. Но чтобы стать полноценным вампиром, требуется пройти особую процедуру. Кровососы превратили ее в нечто опереточное, квазимистическое, а на самом деле это своего рода хирургическая операция.

От невероятной информации голова у Федора Крылова шла кругом. Вот твой шанс, забей бабок – вопила его жадная душонка. Забудь обо всем и подайся в Сибирь, к отшельникам, живущим в тайге, внушал ему холодный разум. Но ведь и там наверняка есть они – вампиры!

– Федя, по вашим округлившимся глазкам вижу, что вы боретесь с собой, решая, что же предпринять, – произнесла, бросая на стол несколько купюр, Диана. – Если вы обнародуете то, что узнали от меня, вам элементарно никто не поверит. Они приложили колоссальные усилия, чтобы их считали мифом. Это позволяет им существовать в подполье многие тысячи лет. А если станете вопить на всех перекрестках, то вас очень скоро прихлопнут. Несчастный случай, передозировка наркотиков, ограбление на улице с летальным исходом... Организовать что-нибудь подобное не так уж сложно.

Увидев, что Диана поднимается, желая уйти, Федор взмолился:

– Но у меня осталось очень много вопросов! Диана, давайте встретимся еще раз! Я ничего не буду публиковать, все равно материал не пропустят, сочтя меня полным психом, тут вы правы. Но я хочу знать правду – для себя!

Охотница за вампирами, откинув длинные черные локоны, сказала:

– Нет у меня времени на беседы с профанами, то есть с непосвященными. Хотя сейчас вы уже не профан, а скорее – полупрофан. Работы много. Я и еще двадцать шесть человек отвечаем за Россию, Украину, Беларусь и страны Балтии.

– Но ведь вы все равно их всех не истребите! – заявил, горячась, Федор.

– Не истребим, – согласилась Диана. – Однако я хочу добраться до того кровососа, который отправил на тот свет моих родителей и старшего брата.

– Последний вопрос! – умолял Федор. – К чему они стремятся? К мировому господству? Если кучка вам... то есть кровососов так легко может уничтожить мегаполис, отчего... отчего мы, люди, все еще живы? Нас больше шести миллиардов, а их по всему миру... Наверное, всего несколько десятков тысяч, да?

Натягивая кожаные перчатки, Диана нехотя пояснила:

– Какой смысл владельцу свинофермы убивать своих хрюш? Ведь он тогда и сам разорится! И есть будет нечего. И хорошей жизни не будет. И начнется война между своими же. Нет, владелец свинофермы, наоборот, холит и лелеет животных, которые приносят ему прибыль. А время от времени забивает ту или иную особь. Они паразиты. И в прямом, и в переносном смысле. Создать что-либо сами они не в состоянии, поэтому им нужен, как и любому глисту, хозяин, из которого он может тянуть соки. Зачем низвергать мир в хаос и возвращать общество в каменный век? Ведь тогда они же потеряют все созданные человеческим прогрессом блага! А они любят роскошь, сладкую жизнь, достижения цивилизации. Поэтому ограничивают сами себя, понимая, что слишком большая их популяция ставит под угрозу существование человечества. То есть поголовье свиней. А что же касается мирового господства... Они давно искусно манипулируют ходом истории и политическими событиями. Ведь им нужна не только кровь, но и власть, а также деньги. Паразиты – они и есть паразиты...

Не прощаясь, Диана направилась к выходу. Федор начал быстро отсчитывать купюры и совать их официантке – его спутница заплатила только за себя.

Холодный ноябрьский ветер ударил Федору в лицо. Многомиллионный город жил, пульсировал и поздней ночью, не подозревая, что управляют им тайные, предпочитающие сумрак, кровь и тайну властители.

– Ну подождите же, Диана! – вскричал Крылов, направляясь к внедорожнику черноволосой охотницы.

– На ваш последний вопрос, Федя, я ответила более чем исчерпывающе! – заявила Диана, находившаяся уже за рулем. – Советую вам забрать ваше авто от клуба утром, после восхода солнца. Потому что кровососы наверняка уже обнаружили обугленные останки своих соплеменников и ищут того, кто отправил их на тот свет. То есть меня.

– Как мне вас найти? Дайте мне ваш номер! Или электронный адрес!

– Если потребуется, Федя, я сама вас найду, – ответствовала Диана. – Пока светит солнце, вы в полной безопасности. Потому что кровососы все, как один, чрезвычайно чувствительны к солнечному свету, вернее, к ультрафиолету. Он их в течение нескольких минут превращает в головешки. Издержки вечной жизни, так сказать. Сами понимаете, что завсегдаем солярия никто из тварей не является. Необычный искусственный свет негативного воздействия на них не оказывает. Однако они в основном предпочитают рубиновый или оранжевый искусственный свет. Никто в летучих мышей или волков не обращается, это все выдумки писателей романов ужасов. И лучом лунного света в щели они тоже не просачиваются. Отрубленные конечности у них, как у ящериц, не вырастают, но раны, даже для простого человека смертельные, очень быстро зарастают. Если что – выводите их из строя, например, воткните в глаз вилку или отрубите топором руку. А пока кровосос собирается с силами и приходит в себя, рубите сплеча. Удачи!

Тонированное стекло с легким зуммом поднялось вверх, и внедорожник рванул с места. Федор несколько секунд смотрел вслед, пока автомобиль Дианы не скрылся из виду.

– Мужик, огонька не найдется? – услышал он рядом сиплый голос и подскочил от ужаса.

Перед ним стоял бомжеватого вида дедок с седой растрепанной бородой, в шапке-ушанке набекрень. Что-то в этом дедке – то ли его взгляд, то ли слишком длинные желтые клыки – Федору Крылову определенно не понравилось. И Крылов, не удостоив страждущего ответом, бросился прочь. Метро еще работало, а «тормозить» частника Федор не решился. Кто знает, что за водитель ему попадется? Может быть, тот, что любит кровь пассажиров!

* * *

Оказавшись на своей съемной квартире недалеко от ВВЦ, Федор первым делом забаррикадировал входную дверь тумбочкой и трельяжем. Затем затянул на всех окнах шторы, извлек из-под газовой плиты молоток и небольшой топорик и, куря, уселся в кресло перед телевизором.

– Знаешь, кто я? Нет, ты не знаешь, кто я! Я – вампир! – провозгласил белозубый тип на экране, одетый по моде конца восьмидесятых. И в тот же момент его лицо стало превращаться в морду монстра. Его партнерша, конечно же, с силиконовым бюстом, с которой вампир только что, судя по смятым простыням, занимался изнурительным сексом, дико завизжала и стала отбиваться подушкой. Вампир – уже во всей красе, с отчего-то смахивающей на волчью мордой, с длинными клыками, с которых капала слюна, – с урчанием бросился на несчастную дамочку. Пошла реклама.

Федор нервно хихикнул, затем резко обернулся, уверенный, что за спиной у него стоит точно такой же, как и в фильме, вампирооборотень, и принялся напряженно думать.

Видимо, ментальный процесс так его утомил, что Федор заснул прямо в кресле. Пробудился он от резкого телефонного звонка. Затирая ногой подпалину на паласе (туда упала сигарета, которую он держал в руке) и щурясь на солнечный свет, пробивавшийся сквозь шторы, Федор схватил трубку ярко-красного телефона. И тотчас вернулись воспоминания о ночных приключениях. Об отрубленных головах и самовозгорающихся трупах. И отчего-то о помидорных дольках на пицце.

– Федяка, ты не помер там еще? – произнесла конспиративным шепотом его редакционная подруга Маруся. – Признайся, ведь ты не болел вчера, а с девками куролесил. Я права? Когда матерьялец про маньяка сдашь? Сегодня – крайний срок! Начальство рвет и мечет, грозится отправить тебя к кое-какой матери.

– Через час буду! – рявкнул Федор и повесил трубку. Понятно, что через час в редакцию «Бульвар-экспресса» он при всем желании не попадет. В лучшем случае через два. Дался им выдуманный им же самим маньяк в Митино! Зачем он ему теперь, когда Крылов владеет такой сенсационной информацией? Информацией, которую любой и каждый, даже самый доверчивый и лоховатый, читатель немедленно отнесет в разряд баек. И попеняет еще дураку-журналисту, решившему кормить честных людей сказочками про вампиров.

Федор отправился в ванную, встал под душ и подумал о Диане. Если надо, она сама объявится... А если не надо? Упустил, упустил он женщину своей жизни! Вот было бы хорошо забыть обо всем – о вечно недовольном начальстве, о завистливых коллегах, о не самой большой зарплате – да и отправиться вместе с Дианой избавлять мир от вампиров! Конечно, в первую встречу с ними коленки у него дрожали. Но потом он научился бы отрубать головы кровососам, так что все бы диву давались. И был бы вместе с Дианой...

Мысль о Диане и о том, как она вознаградила бы его за избавление мира от последнего вампира, наполнила организм Федора Крылова счастьем, а также гормонами, что привело к неминуемой физиологической реакции. Тупо глядя на свое мужское сокровище, корреспондент «Бульвар-экспресса» вдруг вспомнил, чем вызван этот процесс: кровь прилила к определенным частям его тела. Кровь... вампиры...

Возбуждение прошло так же быстро, как и накатило. Федор вылез из ванны, встал на коврик перед запотевшим зеркалом, протер его и начал бриться. А вампиры вообще могут заниматься сексом? И размножаться естественным путем? Не успел он Диану спросить. Скорее всего, нет. У них что, все атрофируется? Фу, тогда быть вампиром – сущее наказание! Жить целую вечность без секса... Федор так бы не смог.

Он снова подумал о Диане и, замечтавшись, порезался. Алая кровь тотчас окрасила остатки пены для бритья, делавшей молодого человека похожим на Деда Мороза. Кровь... вампиры...

Федор долго прижимал к порезу ватный тампон, пропитанный пахучим лосьоном. И во что он только ввязался! Диане-то хорошо. Не исключено, что охотница уже покинула Москву. У нее имеется меч, а помимо него наверняка еще куча других инструментов, при помощи которых она может лишить кровососов жизни. А если вампиры, которые учинят расследование гибели двух своих товарищей, Квинта и Арека, выйдут в итоге на него, несчастного Федю Крылова, двадцати девяти лет, писаку «Бульвар-экспресса»? Они же его в отбивную превратят! Вернее сказать, в коктейль «Кровавая Мери». И высосут его, бутылку, полностью...

Пройдя на кухню, чтобы на скорую руку сварить кофе, который заменял ему завтрак, Федор заметил на гудящем холодильнике цифровую камеру. Ага, он же сделал ряд весьма интересных кадров. О, снимки ему очень пригодятся! Если вампиры заявятся по его душу, вернее, по его тело, он скажет кровососам, что изобличающие их существование фотографии находятся в надежном месте. И если с ним, Федором, что-то случится, фотографии тотчас уйдут в газеты, спецслужбы и будут опубликованы в Интернете. Кровососам ничего иного не останется, как отпустить его с миром и еще пылинки с него сдувать!

Поражаясь своей гениальности, Федор взял с холодильника фотоаппарат и включил его, чтобы просмотреть сделанные фото. Но с ужасом обнаружил, что гнездо, в котором должна была находиться видеокарточка, открыто. И карточки с фотографиями не было!

Уверяя себя, что она вывалилась где-то в квартире, Федор принялся судорожно искать карточный квадратик. Такой матерьялец потерял! Хорошо, пусть потерял, но ведь кровососы об этом не знают, можно и так морочить им головы – те самые, которые так лихо отрубает Диана...

Диана. Отрубленные головы. Горящие тела. Федор вспомнил: он выронил фотоаппарат там, на территории клуба «Амфисбена». А что, если карточка так и осталась лежать около стены, не замеченная во тьме ни им, ни Дианой?

Вампиры, производя дознание по факту гибели двух своих товарищей, наверняка осмотрят место происшествия. Однако ночью все равно такую маленькую вещицу не увидят, а сейчас, днем, они спят в своих гробах или где там еще. О том, где и как почивают вампиры, Федор Диану тоже и не спросил.

Но ведь у них имеются слуги! И репортер уже видел их – молодых людей бандитской наружности, которые среди бела дня что-то доставляли в клуб. И солнце не оказывало на них губительного воздействия. Они простые смертные, которые прислуживают вампирам. Наверняка бароны пообещали им за хорошую службу через несколько лет сделать их самих вампирами и подарить вечную жизнь. И эти слуги могут самым тщательным образом прочесать территорию, примыкающую к клубу, причем при свете солнца. Найти при таком раскладе видеокарточку проще простого!

Найдут, и что с того? Не по отпечаткам же пальцев, оставленным на поверхности карточки, его отыщут – они все равно нигде не зарегистрированы! А карточка новая, там только фото, которые он сделал около клуба. По ним его не вычислить. Кровососы сели в галошу!

Федор бросил ватный тампон, пропитанный кровью, в унитаз, быстро добрился, оделся и отправился забирать «Фольксваген». Нет, через автомобиль вампиры на него тоже не выйдут. Машина находилась за несколько кварталов от клуба, а разных транспортных средств около панельных высоток пруд пруди. Почему вампиры должны обратить особое внимание именно на его тачку?

В редакции «Бульвар-экспресса» Федор появился к началу первого дня. Маруся, та самая кустодиевских размеров рыжеволосая дама, сегодня в очках странной формы и окраса зебры (сей аксессуар Маруся меняла ежедневно, ибо дома у нее была целая коллекция разных видов и форм очков), с пудом неизменных серебряных цепочек на груди, воздела к потолку руки с кровавым маникюром и пробасила:

– Федяка, где тебя только черти носят! Вернее, чертовки. Иди, отчитывайся по маньяку!

Четверть часа спустя Федор уже колотил с пулеметной скоростью по клавиатуре, завершая новую статью с кошмарными, умопомрачительными, только что выдуманными им подробностями о деяниях маньяка и бездействии правоохранительных органов, приправляя текст патологоанатомическими деталями и доводя до сведения читателей, что, по информации из чрезвычайно компетентного источника, маньяком может быть работник медучреждения, к примеру, медбрат, имеющий доступ в морг. Вдруг репортер, напряженно думавший во время сочинения сей несусветной белиберды о вампирах, вздрогнул от громового голоса Маруси:

– Федяка, для тебя презент! Распишись!

Федор получил из рук курьера объемный пакет, на котором значились его имя с фамилией, и стал сдирать обертку. Вроде бы все, что он заказывал по Интернету, шло ему на квартиру. Не хватало еще, чтобы секс-игрушки попали в редакцию...

Секс-приспособления! Федора как током ударило: вспоминалась знойная брюнетка, с которой он встречался на прошлой неделе и которая вела себя в постели как тигрица. И еще ее якобы кухня, которая смогла удивить Федора новыми вывертами. Они развлекались втроем

и... по пьяной лавочке делали фотографии в разных весьма любопытных и более чем изобретательных ракурсах. И те фотографии находились на карточке, которую он черт знает где потерял!

Как он мог упустить это из виду? Помимо пышных форм его пассий, камера запечатлела и его самого, его физиономию, а также... то, что расположено несколько ниже. И ничего бы страшного, если бы одна из девиц не вывела помадой на животе у него со стрелкой, указывающей в пах: «Это Федя из газеты». И приписала номер его мобильного.

Похолодев, Федор извлек из упаковки картонную коробку. Сколько времени потребуется вампирам, чтобы вычислить, на кого зарегистрирован мобильник и что за Федя такой, работающий в какой-то газете?

Крылов открыл коробку и увидел разноцветные перевитые проводки, а посередине – плоскую штукину, на которой была изображена амфисбена.

– Черт! – закричал Федор, понимая, что вампиры уже нашли его.

Сколько же у него времени, пока эта штукина не бабахнет? Сколько же у него времени...

Ослепительная белая вспышка не заставила себя ждать.

Лера Грушина

– Валерия Евгеньевна, я понимаю, что вы перенесли шок – стали жертвой преступления, потеряли свою лучшую подругу, но все же, все же... – бубнил пожилой следователь в плохо сидящем сером костюме и нелепом, слишком коротком, пестром галстуке. Весь вид работника прокуратуры говорил, что ему как можно быстрее хочется покинуть Ленинградскую областную клиническую больницу, где лежала Лера.

Девушка посмотрела на пустую кровать напротив – соседка, кажется, отправилась во двор курить – и упрямо повторила:

– Вы же сами просили меня рассказать вам, что со мной произошло! Я говорю чистую правду!

Следователь вздохнул, сдвинул на кончик носа старомодные очки и, глядя в папку, прочитал:

– «Осмотрели места, где потерпевшая и гражданка Бойко Е.В. подверглись нападению неопознанных преступников, являющихся, по заявлению потерпевшей, вампирами». Вы что, хотите, чтобы я с вот с такими показателями работал? Чтобы я их начальству передал? Чтобы это в статистику вошло? Нет, своей работой я рисковать не собираюсь!

Лера плохо помнила, что произошло с ней тогда, в ночь с Хэллоуина на День Всех Святых, когда Катька и она сама оказались во власти одетых в рясы личностей со стальными серпами. Единственное, что врезалось в память, так это то, как их похитители, словно стая голодных крыс, набросились на Катьку. А потом...

О том, что произошло дальше, Лера знала со слов следователя и медицинского персонала больницы, где она пребывала уже три дня. Ее, обнаженную, завернутую в рваное одеяло, обнаружили ранним утром первого ноября спешившие на электричку жители области. Лера была без сознания, ее тело было усеяно кровоподтеками. Кроме того, как выяснилось позже, у нее была вывихнута правая лопатка и в придачу ко всему имелось сотрясение мозга.

Ее доставили в Петербург, поместили в клинику. Придя в себя, Лера немедленно захотела написать заявление в милицию. Наконец-то ее навестил этот старательный, но явно не самый талантливый следователь.

– Поэтому расскажите, как все было на самом деле! – потребовал он. – Валерия Евгеньевна, вы же понимаете, что имеется статья за дачу ложных показаний и за препятствие осуществлению правосудия. Вы были на вечеринке у Егора Ермакова...

Это имя следователь произнес с почтением – отца Егора, его дядю, а также двух старших братьев и сестру в Питере очень хорошо знали. Они были очень и очень влиятельными людьми.

– И господин Ермаков ваше присутствие там подтверждает. Примерно в ноль часов сорок минут первого ноября вы вместе с вашей подругой, гражданкой Бойко Екатериной Владимировной, в сопровождении гражданина Сизых Виктора Александровича отправились в Петербург, но туда так и не прибыли. А вот дальше... Так что было дальше, Валерия Евгеньевна?

– Я же вам только что это рассказала! – воскликнула Лера. – Эти люди... или не люди... в рясах... точнее, в одеяниях, похожих на рясы... с блестящими серпами в руках...

– Члены близлежащего колхоза? – произнес без тени улыбки следователь. – Фермеры? Хотя время сбора урожая давно прошло...

Лера понимала, что следователь ей не верит. А поверила бы она на его месте молодой девице, уверяющей, что на нее напали вампиры?

– Валерия Евгеньевна, скажу вам, основываясь на своем опыте: в этой жизни есть много удивительного. Но вампиров не существует! Во всяком случае, вампиров из романов Стивена Кинга или фильмов ужасов. Однако не исключаю, что где-то на просторах нашей необъятной родины имеются сумасшедшие сектанты, нападающие на людей и пьющие их кровь. Как име-

ются и людоеды, и маньяки всех сортов, и так далее, и тому подобное. Поэтому вы и ваша подруга могли стать жертвами именно подобных то ли сектантов, то ли сатанистов. Но!

Мужчина сделал паузу, поднял вверх узловатый указательный палец и продолжил:

– Но! Нет ни малейшей улики, подтверждающей вашу версию. Имею в виду версию о нападении так называемых вампиров. Кто нападал – неважно, важен сам факт нападения. Так вот, он как раз и не подтверждается!

В палату заглянула Лерина соседка, но, узрев следователя, ретировалась в коридор.

– Далее, Валерия Евгеньевна! Вы утверждаете, что стали жертвой нападения. Никаких следов в районе дачного поселка, в котором располагается дом господина Ермакова, обнаружено не было! Никакого автомобиля марки «БМВ» с залитым кровью сиденьем и никакого трупа, в частности, трупа гражданина Сизых. Труп вашей подруги, гражданки Бойко, также до сих пор не обнаружен!

– Они избавились от трупов! – со слезами на глазах выкрикнула девушка. И почему следователь говорит с ней как с преступницей?

Работник прокуратуры кашлянул, послунывил палец и начал копошиться в своей папке.

– Прошу, ознакомьтесь! Вот копия турпутевки, оформленной первого ноября. Гражданин Сизых и гражданка Бойко, которые, согласно вашим утверждениям, Валерия Евгеньевна, стали жертвой... э-э-э... вампиров, в день покупки вышеозначенной турпутевки совместно вылетели в Турцию. Что же, понимаю, кому охота сидеть в самую унылую пору года в Питере? Так что если есть деньжата и нечего делать...

Лера, чувствуя легкое головокружение, тупо смотрела на плохую копию турпутевки.

– Понимаю, что это стало для вас открытием, Валерия Евгеньевна, не мне судить, каким именно – приятным или не очень. Ведь ваша подруга, гражданка Бойко, сейчас находится в отпуске, а постоянного друга у нее, как я выяснил, нет. Господин Сизых – сам себе режиссер, то есть он предприниматель и может принять спонтанное решение улететь с новой пассией на две недели в Турцию.

– Не верю! – воскликнула Лера. – Вы должны позвонить в Турцию, в отель...

– Уже сделали и переговоры и с вашей подругой, которая, кстати, передает вам привет, и с господином Сизых, – заметил следователь, забирая у Леры документ. – И поверьте мне: в пятизвездочном отеле они чувствуют себя совсем даже неплохо. Извиняются, что доставили столько неприятностей, ибо и подумать не могли, что их отъезд вызовет подобный переполох.

Лера молчала, не понимая, что происходит. Конечно, Катька – безалаберная и импульсивная, но не до такой же степени, чтобы улететь на две недели в Турцию с мужчиной, которого она абсолютно не знает!

– В любом случае это не объясняет того, что произошло со мной! – заявила девушка.

Следователь прищурился, снял очки, сунул их в нагрудный карман пиджачка и сказал:

– В случае, если с вами, уважаемая Валерия Евгеньевна, в самом деле что-то произошло. Ибо ничто не указывает на то, что вы подверглись нападению неких сумасшедших сатанистов или, тем более гм... оборотней. Пардон, вампиров. Ага вот еще один документик...

Он порылся в папке и помахал перед носом девушки листком бумаги с сиреневыми печатями и размашистыми подписями.

– Результаты токсикологической экспертизы, которой подвергли вас, Валерия Евгеньевна, пока вы находились без сознания – уж слишком долго вы были в отключке! Знаете, что обнаружили в вашем организме? Ряд наркотических субстанций, которые вы даже по врачебному рецепту не получите! В том числе, например, препарат «экстази», вызывающий, помимо всего прочего, галлюцинации...

Следователь взглянул на Леру печально, опять помолчал и негромко заметил:

– Валерия Евгеньевна... Можно просто Лера? У меня дочка на год тебя младше! Так что мне все понятно. Ну, решила ты повеселиться, душу отвести, была на вечеринке этого

самого Ермакова. А на таких вечеринках черт знает что потребляется, не только алкоголь. Ну, глотнула ты что-то и нюхнула... Я же вижу, глаз у меня наметанный, ты не из разряда уличных девок. Может, и сама не заметила, как тебе кто-нибудь чего-то сыпанул, чтобы тебя... Ну, ты сама понимаешь! Однако, согласно врачебной экспертизе, тревожиться тебе нечего – никаких следов сексуального насилия нет!

Окаменев, Лера слушала этого человека, который, как она понимала, хотел ей только добра.

– Я ведь справки навел, про тебя кое-что выяснил, Лера. Ты уж извини, что на «ты», но то, что я тебе сейчас говорю, к моей работе не имеет отношения. Я же стараюсь тебя из-под удара вывести! Мама твоя умерла девять лет назад, когда тебе было шестнадцать. Не прошло и полугодика после ее смерти – отец твой женился, причем на дамочке моложе себя почти на двадцать лет. Они занялись бизнесом, потом ударились в религию и переехали из Питера в Старую Руссу. Ты поступила в университет. Жила с бабушкой, матерью твоей мамы. Старушка умерла около двух лет назад. После окончания университета, став переводчицей, ты устроилась в фирму, которая вскоре разорилась. Нашла другое место, но вместо тебя взяли какую-то родственницу шефа. А из третьей тебя уволили – якобы по сокращению штатов, в связи с кризисом, а на самом деле потому, что к тебе подкатывало начальство, желало в постель затащить, но ты, молодец, отказала. И не только отказала, еще и по морде ему, козлу, дала. И теперь ты перебиваешься случайными заработками и репетиторством.

Следователь успел узнать о ней весьма много. И раскопал даже неприятную историю с Эдуардом Галактионовичем, начальником отдела переводчиков на последней фирме. Именно он упорно приглашал Леру к себе на дачу, на выходные: его супруга как раз ложилась на подтяжку.

– Понимаю, судьба к тебе не особенно благосклонна, Лера, – продолжил следователь, – вот тебя и потянуло на приключения. Ну, или ты решила найти себе состоятельного мужа, что тоже не запрещено. А в итоге накачалась наркотиками, попала в передрагу, возможно, сбежала от насильников. Ведь как еще объяснить то, что ты была завернута в одно только одеяло? А чтобы хоть как-то выкрутиться и не прослыть девицей легкого поведения, ты и сочинила историю о нападении и о... вампирах.

– Нет же, вы должны мне поверить! – взмолилась Лера. – Да, в коктейле, который мне дал Егор на вечеринке, что-то было, меня там в самом деле пытались затащить в постель... Поэтому я и решила уехать оттуда. Но то, что со мной случилось, не было галлюцинацией! Эти люди... Или кто они на самом деле... убили Виктора, который нас подвозил, я видела его тело в лесу. И Катька... Они бросились на нее... пили ее кровь!

Следователь покачал седой головой, сложил все бумаги в папку, застегнул ее и произнес осуждающе:

– Валерия Евгеньевна... Теперь я снова говорю с вами как официальное лицо. У вас есть последняя возможность забрать свое заявление. И я, так и быть, сделаю, чтобы наказания за дачу ложных показаний вы не понесли. Мы просто обо всем забудем. Об этой истории никто не узнает. Зачем вам огласка? Ведь если станет известно, что вы – та самая девица с лошадиной дозой наркотиков в крови, которую в голом виде нашли где-то в лесу, никто не захочет взять вас на работу! Кому нужна такая, пардон, переводчица? Разве что Эдуарду Галактионовичу...

Мужчина поднялся. Затем сказал напоследок:

– Я вас завтра еще навещу, Валерия Евгеньевна, перед выпиской. Советую внять моим рекомендациям – забыть обо всем и больше никогда не возвращаться к нелепой истории о вампирах. Ведь от этого зависит ваша карьера. И ваша жизнь!

Оставив Леру, следователь вышел в коридор. Через пару минут он уже сидел в свой «Жигуленок». Оказавшись за рулем, он первым делом извлек из кармана мобильный, набрал номер и, услышав знакомый голос, произнес:

– Это я, Меровинг. Девчонку я обработал. Уверен, что заявление она заберет. А даже если не заберет, я ему все равно хода не дам и позабочусь, чтобы никто ее историей не заинтересовался. Девцу и так все считают наркоманкой. У нас в запасе около двух недель – ведь дуреха считает, что ее подружка расслабляется в Турции. Тревогу она начнет бить, когда ее Катька не вернется. Так что Грушину придется ликвидировать. Но не сейчас, а чуть позже, чтобы не привлекать внимания. Думаю, в конце следующей недели. Так что тогда случилось во время мессы? Понимаю, не телефонный разговор. Буду у вас сегодня вечером и доложу обо всем в деталях...

* * *

Лера Грушина захлопнула за собой дверь, включила в коридоре свет и опустилась на табуретку около телефона. Вот она и дома. Последний раз она была здесь вечером 31 октября, а потом отправилась вместе с Катькой на костюмированную вечеринку к Егору.

Катька... Мамаша Катьки была замужем за норвежцем, вернее, за негром с норвежским паспортом, уже больше десяти лет жила в Тронхейме и старшей дочкой (от своего норвежского супруга африканских кровей она родила трех детишек – двух мальчиков и девочку) не особенно интересовалась. Катька тоже не питала к мамочке нежных чувств, и то, что возраст уже не позволял ей переехать в Норвегию для воссоединения с родительницей, укреплению семейных уз не способствовало. Отец Катьки давно спился, и с ним Екатерина отношений не поддерживала. Жила Катька на съемной квартире.

И вот теперь, как уверяет следователь, Катька в Турции вместе с Виктором Сизых. Лера несколько раз просила следователя если не телефонный номер дать, так хотя бы сказать название отеля, в котором Виктор и Катька отдыхают в Турции, но тот, сославшись на служебную тайну, отказался. Однако Лера потребовала показать ей еще раз ксерокопию туристической путевки. И запомнила название фирмы и ее адрес, а также название отеля.

Нет, не доверяла она следователю. Уж слишком старательно дядька корчил из себя заботливого отца, которому она, Лера, якобы напоминала дочку-ровесницу. Правда, заявление девушка все же забрала. Ничего-ничего, сначала она все разузнает, а потом, если что, снова пойдет в милицию. Или напрямик в прокуратуру.

Лера приняла душ, смыв с себя запах больницы, затем наскоро перекусила и принялась действовать. Чувствовала себя девушка сносно, только голова время от времени кружилась. Но времени на то, чтобы соблюдать постельный режим, не было. Она должна выяснить, что же произошло с Катькой!

Первым делом Лера позвонила одной из многочисленных подружек Катьки, Светлане, которая все и обо всех знала. И надо же, та презентовала ей историю о том, что Катька укатила с новым кавалером, богатым-пребогатым бизнесменом, в Турцию. Удалось Лере также узнать, что информацию эту Светлана получила от приятного пожилого следователя, с которым накануне беседовала.

– А что стряслось-то? Почему милиция и прокуратура подключились? – засыпала ее вопросами Светлана.

– Ах, мы с Катькой стали свидетелями ограбления... Точнее, мы ничего толком и не видели, но все равно пришлось со следователем говорить... – соврала Лера.

Светлана, конечно же, захотела услышать подробности, так что пришлось на ходу выдумывать всякую ерунду: банк, инкассаторская машина, они с Катькой, проходящие мимо, люди в черных масках... В обмен на эту историю Лера получила от Светланы телефонный номер Егора Ермакова.

Он-то и требовался Лере. Егор знает Виктора Сизых, может сказать, где он живет и работает. Неужели предприниматель, к тому же солидный бизнесмен, может позволить себе просто

взять и улететь на две недели на отдых с новой подружкой, бросив на произвол судьбы свою фирму?

Набирая номер Егора, Лера вспомнила о сэре Эндрю, странном типе со змеиным языком и клыками, который приставал на вечеринке к Катке. Тот ведь утверждал, что является вампиром! О нем она следователю не сказала, однако это можно исправить. Хотя лучше всего беседовать с другим следователем. Дядька, приходивший к ней в больницу, какой-то подозрительный. Для чего ему было навещать Светлану? И как он вообще на нее вышел? Зачем в подробностях рассказывать ей о том, куда и с кем якобы укатила Катка? Ведь это же служебная тайна, а он болтает! Или болтал, потому что знал: Светлана за два часа разнесет сплетню по всем общим знакомым?

– Слушаю! – раздался в трубке приятный голос Егора.

– Егор, это Лера Грушина, подруга Кати Бойко. Мы были на твоей вечеринке...

Короткая пауза. Осторожный вопрос:

– Все в порядке?

Разве что-то должно быть не в порядке? Лера попросила телефонный номер и адрес Виктора Сизых.

– Так ведь он с Катей сейчас на море! Вот счастливицы, расслабляются в раю, в то время как мы мокнем здесь, в Питере... – ответил Егор.

Значит, запущенная следователем байка уже достигла и его ушей.

– Мне Катина мама звонила, – снова соврала Лера. – Там какие-то семейные дела, поэтому мне надо срочно переговорить с ней. Скажи мне координаты Виктора.

Получив от Егора телефоны, в том числе номер фирмы Сизых, Лера не удержалась:

– А твой приятель, сэр Эндрю... Он какой-то странный...

– Не более странный, чем любой из нас! – торопливо вставил Егор. – Или ты хочешь и его номер? Должен тебя разочаровать, Лера: сие дитя тьмы не признает достижений современной техники – у него нет мобильного. Представляешь, в наши-то дни!

Время было уже позднее, на фирме никто не брал трубку, только автоответчик включался. Лера отыскала в Интернете турецкий отель, название которого фигурировало в копии туристической путевки, и позвонила туда. Говоривший с ней турок вполне сносно владел немецким, и Лера сообщила ему, что хотела бы связаться с гостями: герром Виктором Сизых и фрау Екатериной Бойко.

Турок, как тотчас выяснилось, говорил и по-русски. Последовала короткая пауза, а потом он сообщил:

– Сожалею, но таких постояльцев в нашем отеле нет!

После этого Лера долго сидела на диване, прижав к уху пищавшую короткими гудками телефонную трубку. Таких гостей нет! И с похожими фамилиями – тоже нет! Одно из двух: или она неверно запомнила название отеля, или Виктор с Катей никогда в том отеле не останавливались.

Пришлось перезванивать и спрашивать (уже у турчанки, русским почти не владевшей), не останавливались ли Виктор и Катя в отеле в начале ноября. Вдруг им там не понравилось и они переехали в другой? Но как тогда следователь мог до них дозвониться?

Нет, не останавливались. Лера, ахнув, стала набирать номер мобильного Катки, но абонент был «временно недоступен». Девушка отправила подруге сразу три эсэмэс-сообщения с просьбой тотчас ответить.

Мобильный Виктора тоже не отвечал. Все это не предвещало ничего хорошего.

Лера легла спать далеко за полночь. Сон не шел. Отчего-то вдруг сделалось беспричинно страшно, и девушка, никогда раньше темноты не боявшаяся, включила торшер. Так-то лучше.

Сквозь легкую дрему Лера слышала осторожные шаги. Девушка тотчас оторвала голову от подушки, чувствуя, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Пролежав так несколько томи-

тельных минут и вслушиваясь в ночь, Лера убедилась, что шаги затихли. И вообще, может, ей почудилось?

Она заставила себя подняться и шагнуть в темный коридор. До выключателя было далеко. Лера двигалась на ощупь и вдруг в ужасе вскрикнула – что-то впилося ей в ногу. Свет, заливший коридор, расставил все по своим местам: она наткнулась на табуретку, которая стояла около телефона, и в кожу ей впиалась крошечная заноза.

Девушка долго возилась, вытаскивая занозу из колени. Пришлось расковырять ранку до крови, чтобы извлечь остатки деревяшки. Это на какое-то время заставило забыть о шагах. Лера проверила входную дверь: снаружи никто вломиться не может, дверь, помимо всего прочего, закрыта небольшим засовом. Отпереть его с лестничной клетки невозможно.

Квартира Леры была большая, с высоченными потолками, украшенными лепниной, с тремя гигантскими комнатами и балконом. Досталась она ей от бабушки, супруги контр-адмирала, Лериного деда, который умер за много лет до ее рождения, в далеком 1962 году, не дожив всего несколько недель до своего пятидесятилетия. Повезло, что отец в квартире бабушки прописан не был, поэтому не мог претендовать на часть жилплощади. Впрочем, он был вполне счастлив со своей мадам и их религиозной сектой в Старой Руссе...

Лера обошла зал, проверила окна и балконную дверь. Все заперто. На кухне тоже. А вот в кабинете деда (который стал позднее кабинетом бабушки, работавшей в Ленинградском издательстве «Советский писатель», а теперь являлся кабинетом Леры) хлопала на ветру распахнутая форточка. Лера закрыла ее, уверенная, что форточку не открывала. Во всяком случае, сейчас, после возвращения из больницы. Неужели форточка была открыта все эти дни?

Но в кабинете не было холодно, а ведь если бы форточка стояла распахнутой несколько дней подряд... Лера на всякий случай затянула шторы и пошлепала обратно в спальню.

И почему она так заиклилась на себе и своих воображаемых проблемах, вернее, даже проблемках? Если бы все дело было только в хлопающей форточке! На самом деле Катька бесследно исчезла, и правоохранительные органы ни за что не желали заниматься ее поиском!

Выключить торшер Лера так и не решилась. Глупо, конечно, по-детски спать с включенным светом, но девушка не смогла пересилить себя и протянуть руку к выключателю. Внезапно перед глазами предстали страшные сцены: фигуры в рясах с серпами в руках... Труп Виктора, который якобы отдыхал сейчас с Катькой на турецкой Ривьере... Катька, окруженная... окруженная вампирами!

Или прав следователь, и все это – последствия наркотиков, которыми ее напичкали друзья Егора, желая затащить в постель? Лере очень хотелось, чтобы было именно так. Чтобы Катька вернулась в Питер через две недели – посвежевшая, загоровшая и радостная. И, самое главное, живая и невредимая!

* * *

Удивительный сон привиделся Лере. Причем был он таким четким и ясным, как будто и не сон это был вовсе, а самая что ни на есть явь. Девушка находилась в большой бальной зале и видела себя в огромном венецианском зеркале. Одета она была по старинной моде, вокруг шеи – небывалое ожерелье, в волосах – черепаховый гребень. И вдруг появляется он. И чувство возникло такое, как будто этого человека Лера уже давно знает. Но если бы она встречалась когда-нибудь с таким красавцем, то не забыла бы уж точно! Высокий, стройный, в черном с серебром камзоле. Лицо бледное, волосы – черные как смоль, длинные, непокорно спадающие на высокий лоб и плечи. И глаза... о, его глаза невозможно забыть – узкие, мерцающие, как два изумруда. Он приближается к ней – и вдруг тьма. Только глаза и горят... А потом Лера почувствовала поцелуй. И страстные крепкие объятия. Как же ей стало хорошо! Так не хотелось, чтобы все это заканчивалось! И вдруг он поцеловал ее почему-то в коленку...

На том Лера проснулась. Хмурый чухонский рассвет, воспетый Пушкиным, валил в окна. Лера протянула руку и выключила торшер. Часы показывали начало восьмого. Девушка ощутила ломоту в костях, как будто и на самом деле всю ночь протанцевала или всю ночь предавалась любви с красавцем с изумрудными глазами.

Спать больше не хотелось. Лера отправилась на кухню варить кофе. Но кофе в банке не оказалось. Ну, конечно, последний она допила утром 31 октября и еще даже записала в хозяйственную тетрадь (такие записи ее приучила делать бабушка), что надо купить пачку нового. Но до этого руки не дошли: вечеринка, нападение, больница...

Пришлось довольствоваться чаем с гибискусом. Затем Лера отправилась в ванную и обнаружила на стеклянной полочке незакрытый пузырек с бесцветным йодом. Закрутив его, девушка вспомнила о ранке на коленке.

Присмотрелась: ранки не было! Ни на одной коленке, ни на другой! Что за чудо? Ведь не во сне же ей приснилось, что она наткнулась на табуретку! Пузырек с йодом лишь подтверждал то, что заноза была!

Но еще большее чудо ожидало ее, когда, приняв душ, Лера вытиралась перед зеркалом. Многочисленные раны, порезы и синяки, покрывавшие ее тело, исчезли – хотя еще вчера вечером «украшали» кожу. Лера долго вертелась перед зеркалом, стараясь отыскать хотя бы один порез или синяк. Безрезультатно!

Это что, задействовались целительные силы организма? Или волшебные последствия чрезвычайно приятного сновидения? Раньше Лера за собой такого не замечала: раны и синяки никогда в рекордно короткий срок не исчезали. Ни у нее, ни у бабушки. Может, если спать с включенным торшером, все заживает намного быстрее? Если да, то на такой идее она может заработать миллиарды!

Однако, пожурив себя за то, что уделяет пустякам повышенное внимание, Лера стала снова называть Катке и Виктору. Оба абонента «временно недоступны». Находясь на отдыхе, тем более за границей, многие выключают мобильные телефоны. Но не солидный бизнесмен! И подтверждения того, что эсэмэски Катке были доставлены, Лере так и не пришло.

Не выдержав, без четверти девять она позвонила на фирму Виктора. Трубку взяла секретарша. Представившись давней знакомой господина Сизых, Лера пожелала переговорить с ним.

– Виктор Александрович в отпуске, – сообщила та, – перезвоните недельки через две.

– Но как же так? – залепетала Лера, изображая растерявшуюся особу. – Мы ведь с ним договорились встретиться сегодня. Я прилетела из Штатов всего на несколько дней! Мы так давно с Витей не виделись!

Секретарша недовольным тоном ответила, намеренно подчеркнув имя и отчество шефа (видимо, эта особа в отличие от самой Леры не придерживалась мнения, что сексуальному натиску начальства надо противостоять):

– Для нас всех отъезд Виктора Александровича тоже большой-пребольшой сюрприз! Виктор Александрович прислал своему заму эсэмэску, что улетает в Турцию и вернется через две недели. С тех пор – тишина!

Очень интересно. Значит, телефон Виктора Сизых работал, раз с него была послана эсэмэска его заму, сделала вывод Лера. А затем мобильный таинственным образом оказался выключенным.

Леру ждала работа – надо было выполнить несколько заказов, однако переводы могли потерпеть несколько дней. Судьба ее подруги Катки и незнакомого Виктора была намного важнее. Девушка чувствовала нарастающую тревогу: с ними что-то случилось! Вернее, она знает, что именно с ними случилось, – их убили! Но никто, в особенности тот седовласый следователь в старомодных очках, не хотел и слышать об этом. Кто-то пытался создать иллюзию, что Катка и Виктор укатили в Турцию. А на самом деле они мертвы!

Но ведь нельзя же обманывать всех и все время. Рано или поздно, вернее, через две недели, теперь уже даже меньше, работники фирмы Виктора Сизых забудут тревогу: их шеф не вернулся из спонтанно организованного отпуска и вообще как в воду канул. И милиции, и прокуратуре придется, хотя бы они того или нет, заниматься поиском Виктора и Катьки. О, тогда и вспомнят о показаниях некой Леры Грушиной...

* * *

Эти мысли и десятки им подобных вертелись в голове Леры, пока она направлялась в туристическое агентство «Измир-тур». Девушка была уверена, что правильно запомнила номер дома – 59.

Здание украшало несколько разноцветных вывесок, но «Измир-тура» среди них не было. Лера зашла в фойе и поинтересовалась у вахтера, как ей найти турфирму «Измир-тур». Тот ничего толком ответить не мог, сославшись на то, что всего вторую неделю здесь работает.

Лера поднялась на второй этаж и заглянула в фирму, торговавшую мобильными телефонами. Ни продавщица, ни подроспевший менеджер о туристической фирме ничего не слышали. Не слышали об «Измир-туре» и в других фирмах и магазинчиках. Лера прошлась по всем этажам и заглянула во все двери.

– Вы ищете турфирму «Измир-тур»? – услышала Лера женский голос и обернулась.

Перед ней стояла невысокая женщина во всем черном и в черном в белый горошек платке. Эту даму она видела в лавочке, торгующей церковной утварью и религиозной литературой.

– Да. Мне обязательно надо переговорить с кем-то из этой фирмы! – встрепенулась Лера. – А вы знаете, где их найти?

Дама поманила Леру за собой и указала на запертую красную деревянную дверь в самом конце коридора. Лера ее уже дергала, но безрезультатно: по всей видимости, помещение пустовало.

– Турфирма «Измир-тур» располагалась здесь, но она разорилась еще в 2002-м или 2003 году, – сказала женщина в черном. – Я тут работаю, почитай, дольше всех, с начала девяностых. Магазины и фирмы возникают и разоряются. А мы остаемся. Потому что предлагаем людям вечные ценности.

– Разорилась? – переспросила Лера оцепенело.

Дама повела ее за собой в церковную лавку. Там приятно пахло ладаном и еще чем-то, вроде куличами. Женщина взяла в руки картонку, на которой были прикреплены серебряные крестики, развернула ее обратной стороной к Лере, и девушка увидела поблекшие красные буквы: «Измир-тур. Самые низк...»

– Вот все, что осталось. Нам разрешили это забрать и использовать в своих целях. «Самые низкие цены, самый клевый отдых» – было там написано. На втором стенде у нас цепочки. Хотите взглянуть?

Лера отмахнулась. Туристическая фирма, в которой Виктор якобы приобрел для себя и Катьки поездку в Турцию, разорилась много лет назад! Видимо, не помогли ни самые низкие цены, ни самый клевый отдых. Но это могло значить только одно: никуда Катька и Виктор не улетели! И Лера была права с самого начала – ее подругу и вызвавшегося подбросить их до Питера молодого мужчину убили.

– Вижу, что вас гложут проблемы, – сказала дама. – Вот, возьмите! Он вам пригодится!

И она протянула Лере серебряный образок на тонкой цепочке.

– Нет, что вы, я не могу принять в подарок, – изумилась девушка и полезла в сумочку за портмоне.

– Если хотите, пожертвуйте на строительство нового храма... – откликнулась женщина в платке и указала на большую жестяную бадью с прорезью.

Лера вытащила несколько сотенных ассигнаций, потом прибавила еще три пятидесятирублевки и пропихнула в церковную копилку.

– Освященный, от любых напастей избавит, от беды охранит! – сказала женщина, подавая образок. – Только носить надо на теле!

Лера расстегнула курточку и неловко надела цепочку – ей не хотелось оскорблять приветливую собеседницу.

– Вот увидите, все будет хорошо! Потому что все мы в его руках! – произнесла дама и указала на скорбный лик Спасителя на одной из икон.

Попрощавшись, Лера вышла на улицу. Все будет хорошо... Вряд ли! Тут и освященный образок не поможет! Лера особо религиозной не была, церкви практически не посещала. Девушка стала перебирать в уме известные факты.

* * *

Когда она вернулась домой, то обнаружила на автоответчике сообщение. Некая дама, представившись сотрудником отдела переводчиков московского представительства концерна «Бауэр», ссылаясь на Лериного научного руководителя в университете, у которого она писала диплом, просила перезвонить: речь шла о работе.

Лера тотчас перезвонила и попала на ту самую Иветту Николаевну, которая сообщила ей потрясающую весть.

– Валерия Евгеньевна, профессор Колосков настоятельно рекомендовал именно вас! – заговорила женщина. – Вы ведь компетентный переводчик, владеете немецким и английским? А как у вас с технической лексикой? Ага, я уверена, что вы – тот человек, кто нам нужен! Загляните-ка завтра в наш питерский офис. Давайте-ка я вам адрес продиктую...

На некоторое время Лера забыла о проблемах, которые ее только что занимали. Фармацевтический концерн «Бауэр» – один из ведущих в мире! Его штаб-квартира располагалась в Цюрихе, а под Петербургом планировалось строительство фабрики по производству медикаментов, оборудованной по последнему слову техники. Мало того что швейцарцы платили очень даже хорошо, так работы будет море, причем на несколько лет вперед. Если бы она получила место в переводческом отделе «Бауэра»...

И как только профессор Колосков вспомнил о ней? Надо бы ему позвонить, поблагодарить... Но потом девушка пришла к выводу, что не стоит беспокоить бывшего научного руководителя. Вот получит место – тогда и скажет ему спасибо.

Прежние проблемы снова навалились на Леру. Она отыскиала визитную карточку следователя, Василия Денисовича Побатько, и позвонила ему. Но едва раздался первый гудок соединения, положила трубку.

Этот Побатько – явно не из тех, кто сможет ей помочь. Ведь он утверждал, что говорил с Виктором и Катькой, якобы находящимися в Турции, а Лера теперь точно знала, что все его слова – вранье. Он же уверял, что Виктор заказал поездку в «Измир-туре», – и тоже неправда. Да и заявление она забрала...

Если и говорить с кем-то, то вовсе не с Побатько. Только вот с кем?

Лера легла спать, снова оставив включенным торшер. Но сначала она обошла все комнаты и тщательно проверила окна и форточки, задернула все шторы. На этот раз непонятных, тревожаще-приятных сновидений не было.

Наутро балконная дверь оказалась приоткрытой. Лера перепугалась не на шутку, бросилась проверять ценные вещи, которых в квартире было не очень-то и много. Но как балкон мог оказаться открытым, если она его накануне вечером тщательно проверяла?

Только потом девушка заметила, что щеколда поломалась: вывалился штырек. Конечно, дверь-то старая... Немного успокоившись и попеняв себе за паникерство, Лера стала собираться на встречу с Иветтой Николаевной.

Офис питерского представительства концерна «Бауэр» был небольшим, однако впечатляющим: никакой роскоши или безвкусицы, все чрезвычайно стильно. И сразу понятно: и картины на стенах, и кожаный диван, и темный паркет высшего качества стоят чрезвычайно дорого.

Скромное обаяние буржуазии произвело то самое впечатление, которое и должно было произвести: немного смутило и настроило на деловой лад. Лера все боялась, что выглядит как-то не так, что темно-вишневый деловой костюм сидит сегодня плохо, что на чулке появится «стрелка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.